

НИКОЛАЙ ГЕЙНЦЕ

ТАЙНА
ЛЮБВИ

Николай Гейнце

Тайна любви

«Public Domain»

1897

Гейнце Н. Э.

Тайна любви / Н. Э. Гейнце — «Public Domain», 1897

«Федор Дмитриевич Караулов нервной походкою расхаживал по небольшому и сравнительно дешевому номеру гостиницы „Гранд-Отель“, на Малой Морской улице. На дворе стоял октябрь 189* года. Караулов, еще совсем молодой человек, был уже гордостью русского медицинского мира. С год тому назад он защитил блестящим образом докторскую диссертацию и вместо того, чтобы поехать за границу готовиться к профессуре, сам вызвался ехать на борьбу с посетившей его отечество страшной гостьей – холерой...»

Содержание

Часть первая	5
I. Друг детства	5
II. Первое горе	9
III. Современный жених	13
IV. Богатая невеста	17
V. Под венец	22
VI. Первая жизненная грязь	26
VII. Объяснение	31
VIII. Тучи рассеиваются	36
IX. Случай	41
X. Роковой взгляд	46
XI. Письмо	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Николай Гейнце

Тайна любви

Часть первая

В тайнике сердца

І. Друг детства

Федор Дмитриевич Караулов нервною походкою расхаживал по небольшому и сравнительно дешевому номеру гостиницы «Гранд-Отель», на Малой Морской улице.

На дворе стоял октябрь 189* года.

Караулов, еще совсем молодой человек, был уже гордостью русского медицинского мира. С год тому назад он защитил блестящим образом докторскую диссертацию и вместо того, чтобы поехать за границу готовиться к профессуре, сам вызвался ехать на борьбу с посетившей его отечество страшной гостьей – холерой.

И он действительно выдержал эту борьбу.

В течение полугода он объехал страшные очаги заразы и с опасностью для собственной жизни вырывал из когтей смерти уже намеченные ею жертвы.

Газеты были полны корреспонденциями о его самоотверженной, гуманной деятельности, и имя его не только гремело в медицинских кружках, но было известно всей грамотной России не как врача, но, что гораздо почетнее как «друга человечества».

Прямо с поля битвы с ужасным бичом народов, над которым он одержал множество блестящих побед, Федор Дмитриевич прибыл в Петербург лишь на несколько дней, чтобы уехать за границу, к источникам знания и современных открытий в области той науки, изучению которой он посвятил не только все свои силы, но, казалось, и самую жизнь.

Он получил уже из медико-хирургической академии все бумаги, из казначейства назначенные ему прогонные деньги и не нынче, завтра должен был отправиться в путь на двухлетнюю разлуку со своим отечеством, чтобы возвратиться в него еще более полезным его слугою.

Для всех знавших даже близко Караулова, для его друзей, которых, впрочем, у него было немного, он казался бесстрастным человеком науки.

Товарищи его по одной из петербургских гимназий и по академии не могли передать не только ни одного романтического эпизода из его юности – этих блесков светлой, живительной росы на распускающемся цветке жизни, – но даже вспомнить о какой-либо мимолетной любовной интрижке, столь заурядного явления в жизни молодежи.

Около одинокой фигуры юноши и студента Караулова не было даже тени женского силуэта.

И на самом деле это было почти так.

С самых юных лет относившийся ко всему серьезно, он и на чувства к женщине не смотрел, как это принято в переживаемый нами «конец века», поверхностно, а следовательно, был разборчив в своих увлечениях, зная, что на почве этого увлечения вырастет в его сердце серьезное чувство.

Увы, он знал это по опыту!

В его сердце жила любовь, разрушенная роковыми обстоятельствами, заставившая его еще более сосредоточиться в самом себе, уединиться и даже стать нелюдимым.

Близко знавшие его сочли это естественным результатом его преданности науке и того сосредоточенного, необщительного характера, которым он отличался с самой юности, и не старались проникнуть в «святая святых» молодого доктора.

Он был доволен, но это отношение к нему и к его тайне окружающих имело и свою обратную сторону – сердечные чувства требуют излияния, сердечные раны требуют крика, умеряющего их боль.

Для сердечных страданий Федора Дмитриевича не было этого исхода.

Боль сердца не находила врачевания.

Он отшатнулся от людей, которые не могли оказать ему помощи в исцелении его больного сердца, платя им за это тщательным изучением искусства исцеления их больных тел.

Горечь одиночества увеличивалась для Караулова разлукой с другом его детства и юности, графом Владимиром Петровичем Белавиным, с которым его связывало, по странной игре наших чувств, полное несходство их натур, взглядов и характеров.

И теперь мы застаем Федора Дмитриевича, с непривычным для него волнением обдумывающего вопрос: идти ли, или не идти ему к графу Белавину с прощальным визитом?

Были причины, кроме мизантропии Караулова, по которым он со страхом и трепетом думал о визите к Владимиру Петровичу.

Но не будем забегать вперед, тем более, что размышления Федора Дмитриевича были прерваны стуком в дверь его номера.

– Войдите, – произнес Караулов своим грудным, мягким голосом.

Дверь отворилась и на его пороге появился предмет его настоящих дум – граф Белавин.

Это был красавец в полном смысле этого слова.

Высокий стройный брюнет, с волнистыми волосами и выхоленными усами и баками, оттенявшими матовую белизну лица, с правильными, точно выточенными, выразительными чертами и темно-кариыми большими глазами, менявшими свое выражение по настроению их обладателя, то сиявшими лучами притягательной силы мягкости, то блестящими стальным блеском гордости и своеволия, то горевшими зеленым огнем гнева и ярости.

Таков был почти единственный друг Караулова, по самой внешности представлявший с ним разительный контраст.

Федор Дмитриевич был среднего роста светлый шатен, с светло-синими вдумчивыми ласковыми глазами, в которых ярко светился недюжинный ум; черты его лица не могли назваться правильными, но в общем это лицо, на котором лежала печать высшей интеллигентности, было очень привлекательно; небольшая русая борода и усы закрывали нижнюю часть лица и губы, на которых играла всегда приветливая, но далеко не льстивая улыбка.

Самый туалет Караулова был только скромнен и чист, тогда как граф Белавин был одет всегда по последнему слову моды.

– Давно ли так водится, что о приезде друзей узнают по газетам? – воскликнул, входя и бросая на одно из кресел, крытых малиновым трипом, небольшую котиковую шапку Владимир Петрович.

– Как по газетам? – смущенный, застигнутый врасплох, спросил, видимо, чтобы только что-нибудь спросить, Караулов.

– Как по газетам? – передразнил его Белавин. – Он еще прикидывается невинностью... Да так. Жена моя вчера прочла в «Новом Времени» о твоём приезде в Петербург и о предполагаемом скором отъезде за границу... Я сегодня же бросился на поиски по гостиницам и вот в четвертой, наконец, нашел тебя... Но Бог с тобой, ты, погруженный весь в филантропию и науку, невменяем... Я прощаю тебя... Нет, не то! Боже, я, кажется, уже совсем позабыл всю университетскую, юридическую премудрость... Признаю тебя невменяемым и прощаю... Ведь я же не присяжный заседатель... Итак, я осуждаю тебя, но признаю тебя заслуживающим снис-

хождения и приговариваю тебя к наказанию пребывать до отъезда в моем обществе... Едем ко мне завтракать, обедать, ужинать, и...

Все это граф Белавин выговорил залпом, не переводя дыхания.

Караулов улыбался, слушая своего друга.

– Но прежде здравствуй! – перебил он, наконец, его тираду.

– Здравствуй, дружище, здравствуй... – схватил Владимир Петрович обе протянутые ему руки Караулова.

– Ты на самом деле скоро опять нас покидаешь или это пяточковая фантазия репортера? – спросил граф.

– На этот раз репортер прав. Я еду на днях...

– И уехал бы, не повидавшись со мной, – с упреком в голосе сказал Владимир Петрович.

– Нет, я собирался, все эти дни собирался... – смущенно отвечал Караулов. – Садись, гость будешь...

Приятель уселись.

Граф Белавин, не заметив смущения своего друга, и, видимо, удовлетворенный его объяснением, начал со свойственным ему остроумием и меткостью описывать новости наступившего петербургского сезона.

Владимир Петрович принадлежал к людям, которые служат сами себе слушателями и рассказы которых больше всего забавляют их самих. Они упиваются своей собственной речью, не обращая внимания, что их собеседники далеко не находят ее интересной по самому свойству предмета, до которого она относится.

Они не допускают возможности, чтобы то, что обращает их, по их мнению, просвещенное внимание, могло казаться другим мелким, ничтожным, не заслуживающим ни малейшего интереса.

Светские и полусветские сплетни, имена флиртующих светских дам и звезд и звездочек полусвета, артисток и представителей чуждого совершенно Караулову «веселящегося Петербурга» так и сыпались с языка графа Белавина.

Федор Дмитриевич слушал своего приятеля сначала даже с улыбкой, вызываемой образностью его речи и оригинальными сравнениями, но вскоре улыбка эта приняла оттенок снисходительности и, наконец, в чертах доктора Караулова появилось не только выражение утомления, но прямо-таки внутреннего страдания.

Болтовня графа действовала на него положительно гипнотически.

Он делал попытки остановить поток этого светского красноречия, за которое граф Белавин был баловнем светских и полусветских гостиных, по приговору которых считался лучшим петербургским «козером», пробовал перевести разговор на домашнюю семейную жизнь своего приятеля, но безуспешно.

Казалось, жена и малютка дочь были для графа Владимира Петровича теми жизненными второстепенностями, занимать которыми даже своего друга, а не только посторонних лиц, было просто неприлично.

Эти-то неудачные попытки и причиняли страдание Караулову, отразившееся на его симпатичном лице.

Вскоре он совершенно перестал слушать графа, только что окончившего какую-то пикантную историю с известной артисткой и перешедшего к не менее пикантному приключению одной светской львицы, приключению, которое составляло злобу дня петербургских гостиных.

Героем этого приключения был «знаменитый тенор», а в роли простака являлся высокопоставленный и титулованный муж.

Отрывки из всей этой истории еще проникли в сознание Федора Дмитриевича, а затем мысли его перенеслись на четыре года назад, тоже к беседе с этим же баловнем судьбы и людей, графом Владимиром Петровичем Белавиным.

II. Первое горе

На лице Федора Дмитриевича появилось выражение мучительной боли.

Ему вспомнилось, что это было именно в тот год, когда умерла его мать.

Старушка, вдова полковника, жила в своем маленьком имении в Калужской губернии, ведя зорко крохотное хозяйство и сколачивая деньги для своего ненаглядного Феди.

Федор Дмитриевич не брал от нее ничего с последних классов гимназии, живя уроками, и даже ухитрялся из своих грошовых заработков делать подарки «мамочке», как он называл ее, по привычке детства.

Без таких подарков не ездил он ни на рождественские, ни на летние каникулы в «Залетное», как называлось имение, или, лучше сказать, хутор, где жила мать Караулова.

Он видел ее таким образом редко, два раза в год, всего по несколько дней, так как летние каникулы проводил на кондциях, лишь вначале заезжая навестить старушку-мать.

Эти редкие свидания не погасили, однако, в его сердце чувство горячей привязанности к существу, давшему ему жизнь; напротив, в разлуке это чувство теплилось ярче, подогретое светлыми воспоминаниями раннего детства, среди которых его мать представлялась ему в ореоле доброты, справедливости и даже мудрости.

Ее ласки и поцелуи жили в этих воспоминаниях, и в минуты житейских невзгод бедного студента смягчали горечь лишений и уколы самолюбия.

Образ ее – строгой исполнительницы материнского долга – вдохновлял юношу на труд, вселял энергию для борьбы с лишениями и поневоле заставлял его быть «образцовым сыном образцовой матери».

Таково влияние редко встречаемых в наши дни женщин, которые достойно и заслуженно носят святое имя «мать».

Известие о болезни матери Караулов получил в апреле. И в мае, отказавшись от выгодных кондиций, поскакал в Калужскую губернию.

Он застал старушку на ногах, но очень слабою.

Он был уже на последнем курсе, а потому, призвав на помощь все свои научные сведения, стал лечить свою первую и самую дорогую пациентку.

Скорее нежные попечения любимого сына, нежели его лекарства имели чудодейственную силу – она приободрилась, но, увы, ненадолго; в конце июля она снова слегла, и готовящийся выступить на практическое поприще врач в самых воротах этого поприща встретился с бессилием науки в деле восстановления гаснущей жизни.

В августе он опустил гроб с дорогим для него существом в могилу, близ церкви соседнего села, а сам с растерзанным глубокою печалью сердцем вернулся в Петербург и засел готовиться к выпускным экзаменам.

За книгами горечь утраты притуплялась, но когда он давал отдых себе от усиленной мозговой работы и оставался один, наплыв воспоминаний о последних минутах дорогой матери до боли сжимал ему сердце.

Он бежал на улицу, толкался среди прохожих, лишь бы не быть одному.

В этом состоянии как-то машинально он вошел в один из подъездов дома по Литейной улице, по которой жил и сам, и, забравшись на второй этаж, нажал пуговку электрического звонка у парадной двери, на которой, как жар, сияла медная доска с выгравированной крупными черными буквами надписью: «Граф Владимир Петрович Белавин».

Молодой чисто даже франтовато одетый лакей отворил дверь и на вопрос Караулова: «дома ли барин?» отвечал с приветливой улыбкой.

– Пожалуйста, дома, в кабинет.

Снявши с помощью лакея свое пальто, Федор Дмитриевич вступил в гостиную, убранство которой, несмотря на дороговизну и изящество, носило неуловимый отпечаток жилища холостяка.

Отпечаток этот, быть может, состоял в слишком симметричной расстановке мебели, отсутствии оживляющих вязаний и мелочей, этих следов женской заботливой руки, и в присутствии слишком большого количества шитых подушек на диванах, сувениров более или менее мимолетных любовных интриг.

Из гостиной дверь вела в кабинет, тоже слишком вылощенный и прибранный, с чересчур тщательно и аккуратно заставленным письменным прибором и другими атрибутами письменным столом, чтобы признать его за кабинет делового человека.

При входе в кабинет Караулова граф Белавин вскочил с оттоманки, на которой лежал с газетой в руках.

– Наконец-то! Давно приехал? Я уже три дня думаю о тебе и досаую на твое отсутствие...

Прятели обнялись и расцеловались.

– Садись, голубчик, садись, если бы ты знал, как я рад тебе... Мое счастье без тебя не было полно... Сам подумай, Орест женится, Пилада – нет...

– Женишься... ты!.. – произнес с удивлением Федор Дмитриевич и даже отделился от спинки кресла, на которое сел, поздоровавшись с хозяином.

– Женюсь, дружище, женюсь... ты, конечно, удивлен, но увы, любовь не свой брат... не кочерыжка, не бросишь, как говорит «золотая Мина», знаешь ее... Впрочем, что я спрашиваю вегетарианца о вкусе рябчика с душиком.

Граф расхохотался, но тотчас оборвал свой смех, взглянув на Караулова.

Последний сидел угрюмо сосредоточенный, видимо, далеко не склонный разделять веселость своего друга.

– Женюсь, дружище, женюсь... и ты, конечно, не откажешься быть моим шафером...

– Прости, но я не могу исполнить твоей просьбы...

– Не могу... Почему? – с тревогой в голосе спросил Владимир Петрович.

Вдруг взгляд его упал на рукав форменного сюртука Караулова, на котором была черная перевязь.

– Ты в трауре?.. Ужели... твоя мать....

– Увы...

– Когда же?

– Всего три недели тому назад она тихо угасла.

– Святая старушка, – взволнованно произнес даже Белавин.

Караулов в коротких словах передал своему другу тяжелое лето, проведенное им около матери, и подробности катастрофы.

– Но я попрошу отложить свадьбу, – воскликнул граф, – на полгода, на год... Кора меня тоже любит... Она поймет, что горе друга – мое горе...

– Кора!.. – упавшим голосом повторил Федор Дмитриевич, не обратив внимания на патетический возглас Белавина, решившегося отложить свадьбу с любимой девушкой из-за траура друга.

Караулов знал, впрочем, что Владимир Петрович мог проявить и не такое самопожертвование, но только на словах, которые и оставались словами.

– Да, Кора, я разве не сказал тебе, что я женюсь на Конкордии Васильевне Батищевой... Разве ты не знаешь ее?.. Но что я спрашиваю, ты, кажется, не знаком ни с одной женщиной моложе пятидесяти лет...

– Не знаю... – упавшим голосом произнес Федор Дмитриевич, и по лицу его мгновенно пробежала страшная судорога внутренней невыносимой боли.

Граф Белавин не заметил этого.

– Это чудная девушка, она поймет... Мы отложим свадьбу до окончания твоего траура...

– Зачем, зачем... – взволнованно перебил его Федор Дмитриевич. – Поверь мне, что такое предложение будет только истолковано в смысле недостаточности чувства... А этого женщина не прощает...

– Только не Кора! – воскликнул граф.

– Всякая без исключения... если любит... Женщины, мой друг, ценят свое чувство и требуют за него соответствующую плату... иные чувством же, иные жизненным комфортом и не уступят ничего из назначенной цены...

– Но откуда все это знаешь ты? Ты, женофоб...

– Я думаю, думать то же, что жить...

– Пожалуй, ты прав... – задумчиво произнес Белавин. – Но верь мне, что мне очень тяжело будет твое отсутствие на моей свадьбе... Я даже готов видеть в этом дурное предзнаменование...

– Пустое, друг, какие там предзнаменования... Будущее в руках человека вообще, а семейная жизнь в особенности... Молодые девушки в большинстве это – воск, из которого мужчина при желании может вылепить какую угодно фигуру, от ангела до демона, конечно, если этот воск растоплен под жгучими лучами любви и ласки...

– О, я, я люблю ее...

– Люблю... Любовь, друг мой, обоюдоострое орудие... Это сталь, из которой делается нож гильотины и спасительный операционный ланцет... Любовью можно вызвать к жизни все хорошие инстинкты человека так же легко, как и убить их...

– Я постараюсь возродиться, а ее возродить нечего... Мне только надо возвысить до нее себя! – восторженно воскликнул Белавин. – Повторяю, я обожаю мою невесту и чувствую, что мне ничего не будет стоить отказаться от надоевшего мне прошлого, со всеми его соблазнительными грешками и мимолетными наслаждениями и сделаться верным мужем и любящим отцом...

Граф несколько раз прошелся по комнате, потирая руки, и, остановившись перед сидевшим в кресле у письменного стола Карауловым, сказал уже совершенно другим игривым тоном:

– Так значит ты ничего не знал и не догадывался о моих matrimониальных целях?

– Откуда же я мог знать?.. Ты ведь ни разу не писал мне.

– Упрек заслужен, – засмеялся граф Владимир Петрович. – Но лучше поздно, чем никогда... Я расскажу тебе всю эту эпопею моей любви подробно и, таким образом, исповедуюсь перед тобою задним числом.

Федор Дмитриевич молчал.

– Кто всех более всему этому удивлен, так это я сам, – продолжал граф. – Кто мог бы сказать, что наступит день, в который я буду влюблен с честными намерениями!

Владимир Петрович расхохотался.

Караулов смотрел на него задумчивым взглядом.

– Однако это случилось, и всего несколько месяцев тому назад. Я прошлой зимой поехал, по обыкновению, за границу, таскался по Италии и Швейцарии и, наконец, в декабре попал в Ниццу. Потянуло меня в Монте-Карло, где я хотел попытать счастья в рулетку. Кстати, я тебе не советую знакомиться с этой игрой.

Федор Дмитриевич горько улыбнулся и ответил:

– Она меня не прельщает.

– А ты ее знаешь? В таком случае мне нечего тебя предостерегать. Возвращаюсь к моему рассказу. Я проиграл какую-то безделицу, но на этот раз игра почему-то не увлекла и меня. Я бродил по улицам Ниццы, умирая от скуки, тем более, что ни Фанни Девальер, ни Нинона Лонкло, ни Марта Лежонтон еще не приехали.

– Извини, – прервал его Караулов, это кто же такие?

– Я и забыл, что для тебя это китайская грамота... Ты не имеешь о них никакого понятия.

А это жаль. Они очень милы, эти прекрасные грешницы. Право.

Федор Дмитриевич не сказал ничего. Он продолжал задумчиво смотреть на своего друга.

Тот весело продолжал:

– Однако с этими отступлениями я никогда не только не кончу, но даже не дойду до самой сути. Итак, я продолжаю. Повторяю, я умирал от скуки, прогуливаясь в казино, как вдруг в один вечер, около пяти часов, я, имеющий всегда обыкновение смотреть вверх, смотрел на этот раз упорно в землю, но вдруг, подняв глаза, увидел прелестнейшее личико. Просто чудо из чудес, мой друг, ангел... Сравни с чем угодно. Изящная головка, стройная фигурка. Одним словом, я сразу был совершенно ослеплен, очарован... Голова моя закружилась, сердце забилося... Мне показалось даже, что я покраснел, как девочка. Видя это, моя незнакомка тоже покраснела... мы поняли друг друга... Но не думай, что знакомство состоялось тотчас же... Ошибешься... Восемь дней понимаешь ты, целых восемь дней, я употребил на то, чтобы открыть убежище моей богини... Это настоящее обожание, поклонение, это целый культ! Не правда ли?

– Я вижу, что ты серьезно влюблен, – спокойно заметил Караулов.

В его голосе звучала чуть заметная нотка насмешки.

Восторг его друга показался ему болтливостью.

Федор Дмитриевич, как мы уже сказали, был из тех людей, которые понимают только тихую, глубокую любовь. Истинно влюбленные, как и истинно несчастные, – скрытны.

Восторг его друга граничил с болтливостью.

Манера выставить свою страсть напоказ, даже перед другом, казалась Караулову доказательством деланности чувства.

Граф, по мнению Федора Дмитриевича, профанировал свое чувство, если на самом деле оно было так искренне и глубоко, как он рассказывал.

Караулов слушал Белавина с этим нехорошим чувством подозрительности.

III. Современный жених

Владимир Петрович, все более и более оживляясь, продолжал свой рассказ.

– Повторяю тебе, что около восьми дней я не видел обворожительной молодой девушки в Ницце. Я терзался неизвестностью и потому решил поехать по ближайшим местностям... Совершенно наобум, точно влекомый какой-то тайной силой, я отправился в Канн. Предчувствие не обмануло меня. Первую особу, которую я встретил на бульваре Круазет, была именно предмет моих мечтаний и розысков. Она шла в сопровождении пожилой дамы, которую я не заметил в казино. Счастливая встреча оказалась еще счастливее. В то время, когда я восторженными глазами издали следил за моей богиней, на том же бульваре появилась княгиня Лидская, приходящаяся мне даже какой-то дальней родственницей, и при встрече с интересующими меня особами остановилась и стала дружески разговаривать. Я, конечно, тотчас смело направился к этой группе. Княгиня встретила меня очень радостно и тотчас представила беседовавшим с ней дамам, сказав массу комплиментов по моему адресу. Словом, первое знакомство было сделано...

Граф остановился перевести дух.

Федор Дмитриевич по-прежнему казался внимательным слушателем, хотя мысли его были далеко не в Канне, где разыгралось начало романа его друга.

– И вообрази себе, – продолжал между тем Владимир Петрович, – моя очаровательная незнакомка оказалась не только русской, но даже петербургской жительницей – это дочь бывшего горного исправника, такие должности есть в Сибири, Конкордия Васильевна Батищева. Положим, она только что вышла из института, это было ее первое заграничное путешествие, со школьной скамьи она перешла прямо в дом своей тетки, купчихи Ольги Ивановны Зуевой – она не торгует ничем, ее муж был коммерсант на европейскую ногу, ворочал миллионными подрядами и даже вращался среди сановников и титулованных лиц по разным комитетам, отсюда и знакомство с Зуевой княгини Лидской... Ольга Ивановна живет в своем доме на Нижегородской улице поблизости твоей академии. Она очень богата, Кора же имеет свое личное состояние в два миллиона... Неправда ли, дружище, ты должен признаться, что мне повезло... Очаровательная девушка, богатая невеста... и без тестя и, главное, тещи...

Караулов чуть заметно горько улыбнулся, но не отвечал ничего.

– Что с тобой? – обратил наконец граф внимание на выражение лица своего приятеля. – У тебя такой вид, что я могу подумать, что ты мне завидуешь...

Федор Дмитриевич вздрогнул, но тотчас же оправился.

– Нет, ты этого думать не можешь...

В голосе его звучали серьезные ноты.

– Прости, дружище, я все забываю, что ты находишься под гнетом страшного горя. Но слушай далее.

– Я слушаю.

– При этих условиях мне, конечно, ничего не оставалось делать, как принять твердое решение сделаться мужем Конкордии. Кто бы был так неблагоприятен, чтобы отказаться от счастья, которое было в его руках... Но тебе, дружище, я поведаю свою тайну... Меня пугает это счастье... Чем заслужил я его? Мое состояние, ты знаешь сам, сильно расстроено... А теперь я снова богат... Мною, повторяю, овладевает страх...

– Ну это пройдет... Поверь мне, что богатство не так страшно, как бедность... Нужно только быть достойным его... Богачу прощается его богатство, если он сумеет сделать из него хорошее употребление.

– Слова мудреца, дружище! – воскликнул Владимир Петрович не без некоторой, впрочем, иронии. – Жаль только то, что мудрецы никогда не в состоянии показать пример, как надо пользоваться состоянием, по простой причине, что не имеют его...

Караулов вспыхнул.

– Ты прав... Мне менее, чем кому-нибудь можно давать советы в этой области, я беден, как индейский гимно-софист, что значит в переводе: «голый философ».

– Ты, кажется, обиделся, дружище!

– Ничуть, я говорю тебе, ты прав... Но переменим этот разговор... Скажи лучше, что ты сам намерен делать с таким огромным состоянием?

– Что я намерен делать? Странный вопрос! Прежде всего, как честный человек, я откровенно сказал моей невесте, что мое состояние очень расшатано и что от довольно значительного состояния у меня теперь осталось менее, чем немного. Она была в восхищении от моей откровенности и заявила, что все ее состояние будет моим. Ты не можешь себе вообразить, с какой очаровательной наивностью велся ею этот деловой разговор.

– А ее тетка тоже согласилась с этим? – спросил Федор Дмитриевич.

– Тетка ее, тетка... – закусил губы граф. – Какое мне дело до ее тетки! Делаясь мужем Кору, я становлюсь ее попечителем по закону.

– А-а... – как-то неопределенно протянул Караулов. – Но все же ты мне не ответил на вопрос, что ты будешь делать с этими миллионами.

– Да я еще, по правде сказать, и сам не решил этого... Конечно, мы устроим наш дом на большую ногу... Словом, будь уверен, что я и моя жена найдем, куда и как употребить наши деньги...

Последняя фраза звучала почти нравоучением бедному студенту, который решается говорить о предмете недоступном, по мнению графа, его пониманию.

Только богатые люди умеют обращаться с деньгами. Люди труда испытывают перед богатством зачастую род суеверного страха. Не они управляют своим состоянием, а состояние управляет ими. А это уже никуда не годится!

Так думал граф Владимир Петрович Белавин.

Это слышалось между строк его последней фразы.

Федор Дмитриевич понял намек.

Да и на самом деле, разве касается его вопрос, что будет делать граф с упавшими ему с неба миллионами.

Он встал и потянулся за фуражкой, лежавшей на одном из стульев.

Владимир Петрович, однако, усадил его снова.

– Нет, это уж из рук вон что такое... Ты отказываешься быть моим шафером... Пусть так... Я уважаю высказанные тобою причины... Неужели у тебя уж так рассчитаны твои минуты и секунды, что ты не можешь уделить их несколько для твоего старого друга.

Граф был эгоист, как все счастливые люди.

Он не понимал, что после перенесенного страшного горя Караулову порой необходимо было уединение, чтобы собраться со своими мыслями. Что иногда эта жажда уединения приходила так же внезапно, как желание уйти из одиночества, желание, приведшее его к Владимиру Петровичу.

Если бы, впрочем, последний был более проницателен, то он, быть может, заметил бы и другие причины грусти и утомления Федора Дмитриевича.

Караулов продолжал слушать исповедь своего друга.

– На мой взгляд это прекрасная партия и для меня, и для нее... – ораторствовал граф. – Между нами будь сказано, я очень нуждался в такой партии... Мое состояние таяло день за днем, я сохранил только мелкие остатки... Обладай Кора даже менее выдающимися душевными качествами и красотой, я бы все равно женился на ней...

По лицу Федора Дмитриевича пробежала судорога чисто физической боли. Ему, который считал в браке любовь первым капиталом, больно было слышать это циническое признание друга в том, что тот обошелся бы и без хороших качеств жены, лишь бы поправить свои дела ее приданым.

– Была бы коза, да золотые рога! – мелькнуло в уме Караулова. – Так и женился бы на козе.

Он поймал себя на злобной мысли против друга и ему стало скверно на душе от собственной негодности.

Граф говорил чересчур ясно.

Красота и добродетели его будущей жены казались ему качествами несущественными. Он получал их как бы в придачу.

– Да, дружище, цену здоровья узнают, когда заболевают, цену богатства, когда разоряются... Найдутся люди, которые будут говорить, что я решился на неравный брак из-за денег, что я продал свой титул... На всякий роток не накинешь платок. Я женюсь на богатой сироте... Ее отец, положим, служил в полиции... горным исправником... Но он все же был офицер... дворянин... К счастью, он умер, а через год умерла и его жена, оставив свои миллионы дочери, т. е. будущему зятю... Судьба решила, что последним буду я... У меня к тому же нет близких родственников, которые бы могли потребовать ответа за то или другое употребление моего имени... Я ответствен лишь перед мертвецами.

Граф весело засмеялся.

Этот смех какою-то болью отозвался в душе Караулова.

Он сидел и слушал по-прежнему, бледный и серьезный.

– Кора так еще молода... Ей всего семнадцать лет.

– Семнадцать лет! – воскликнул Федор Дмитриевич. – Да ведь это дитя! И ты решаешься на такой брак?

– Почему же не решиться... Я совершенно уверен, что сумею завязать с моей женой ее первый и последний роман и таким образом окончательно овладеть ее сердцем... Наивность и иллюзии скоро исчезнут и через пять лет у меня будет жена – самая восхитительная из всех женщин.

Если бы граф не был увлечен слушанием самого себя и обратил внимание на своего слушателя, он испугался бы, увидя его лицо.

Караулов был бледен как полотно. Выражение какого-то беспредельного отчаяния появилось и как бы застыло на его лице. Глаза остановились, и он весь дрожал, как в лихорадке.

Надо было обладать его силой воли, чтобы хоть немного побороть охватившее его волнение.

Какую роковую тайну хранил он в своем сердце?

Но и всякая сила воли имеет свой предел.

Федор Дмитриевич почувствовал, что сделал над собой последнее усилие, что долго оставаться с глазу на глаз со своим другом он не в состоянии.

Он порывисто встал и протянул ему руку.

– Извини меня, но я чувствую себя нехорошо... Пережитое потрясение и усиленные занятия окончательно сломили меня... Мне необходим отдых... Прощай...

Только теперь граф Белавин заметил необычайную бледность своего друга.

– Прости, голубчик! Я тебя утомил своею болтовней... Ты совершенно болен... Я тебя не смею удерживать, как бы ни хотел этого... Займись собой... Впрочем, кто же лучше как не доктор знает, чем он страдает и чем надо ему лечиться...

Он проводил Караулова до передней и нежно обнял на прощанье...

Только очутившись на лестнице, Федор Дмитриевич дал волю накипевшему в его сердце чувству отчаяния.

Глубокий вздох вырвался из его груди.
– И это он... женится на ней!.. – воскликнул Караулов.

IV. Богатая невеста

Конкордии Васильевне Батищевой был восемнадцатый год, но она казалась моложе даже этих лет и, действительно, выглядела совершенно ребенком.

С миниатюрной, грациозной фигурой, с точно выточенным из мрамора личиком, белизна которого оттенялась черными, как смоль, волосами, а самое лицо как бы солнечными лучами освещалось светлыми, как майское небо, голубыми глазами, Кора, как звала ее тетка, производила обаятельное впечатление на всех, кто ее видел.

Никто не мог поверить, что нежное тепличное растение родилось и провело первые годы своего детства в холодной Сибири.

А между тем это было так.

Ее отец был в течение двадцати лет горным исправником одной из самых золотоносных округ Восточной Сибири.

Не только в доброе старое время, но даже еще в весьма недавнее горные исправники по справедливости назывались «царями тайги».

Тайгой называют в Сибири девственный лес, по почве которого тут и там струятся мутно-желтые ручьи, получающие свою окраску от золотоносной почвы. В тайге имеет прииски и богатый золотопромышленник, в тайге же ютится и «золотой коршун», как называют в Сибири «приискателей одиночек».

Горный исправник всегда друг первого и гроза для второго.

Власть его над всевозможным сбродом, из которого состоит приисковая артель рабочих, неограниченная.

От этих рабочих требуют по закону паспортов, а между тем громадное большинство их беглые «варнаки» – имя, даваемое в Сибири каторжнику и поселенцу.

Большинство их таким образом бесправно и прямо-таки сама жизнь зависит от «царя тайги» – горного исправника.

В недавно минувшее время для избежания недоразумений золотопромышленники платили горному исправнику по пяти рублей с человека в лето, т. е. время, когда производятся работы, и вопрос о паспортах предавался забвению.

Это не считалось даже взяткой – это был почти официальный доход этой прибыльной должности, о котором говорили явно и просто, как о квартирных или столовых деньгах.

Менее официальные доходы были еще больше, но, конечно, зависели от сметливости и умения исправника.

Василию Никандровичу Батищеву, так звали отца Конкордии Васильевны, нельзя было отказать в этой сметливости и умении.

Он женился поздно на дочери одного богатого иркутского купца, Надежде Ивановне Долгих, другая сестра которой, Ольга Ивановна, была уже замужем за славящимся по Сибири своими торговыми оборотами купцом Тихоном Захаровичем Зуевым.

За женой Василий Никандрович взял тысконок двести, и таким образом и составил капитал в два миллиона, который, по мнению графа Белавина, был предназначен судьбою ему и который делал хорошенькую Кору, единственную дочь горного исправника Батищева, графинею.

Сам Батищев был из дворян, служил в молодости в военной службе, по неимению средств в армейских полках счастливой судьбой приведен был в Сибирь, в пресловутое «золотое дно» России, переведясь в батальон, расположенный в Иркутске.

Красивый мужчина, ловкий танцор, со столичным лоском, он сумел понравиться градоправителю и особенно градоправительнице и в вознаграждение за «гранд-ронды» и «китай-

ские шены», а быть может за что-либо и другое получить назначение на первую открывшуюся вакансию горного исправника.

Он сразу освоился с административною частью и был всегда на лучшем счету у начальства.

Происходило ли это от действительной пользы, приносимой им делу, или же зависело от того, что его резиденция была в довольно близком расстоянии от Иркутска и он, наезжая туда по делам службы, продолжал оказывать своему покровителю и особенно покровительнице услуги в форме «гранд-рондов», «шенов» и т. п. – это, конечно, составляло административную тайну властного градоправителя.

Как бы то ни было, но Батищев добыл себе в Сибири «фарт», как называется там «случайное счастье», и только тогда, когда отяжелел для «гранд-рондов», «шенов» и других услуг градоправительнице, вступил в брак, причем «их превосходительства» были у него посаженными отцом и матерью.

От этого брака родилась единственная дочь Конкордия, названная так тоже по требованию той же благодетельной градоправительницы, имевшей склонность к романтическим именам, окрестившей ребенка своего «протеже».

Кору пошел четвертый год, как над домом ее родителей в течение менее года времени разразились два удара.

Василий Никандрович был убит при усмирении взбунтовавшихся рабочих на одном из приисков.

Ему железной киркой буквально размозжили череп.

Вид обезображенного трупа мужа привел и без того слабую и болезненную Надежду Ивановну в состояние полупомешательства; с ней сделалась нервная горячка, от которой она хотя и оправилась физически, но психическая болезнь осталась и ровно через год после похорон Василия Никандровича опустили в могилу и Надежду Ивановну, умершую в иркутской больнице в отделении умалишенных.

Кору взяли Зуевы тотчас после смерти отца. У Тихона Захаровича и Ольги Ивановны не было детей, что составляло для супругов истинное горе.

Удачи торговых предприятий, возрастающее не по дням, а по часам богатство не радовали супругов, так как труды и заботы не имели цели, которой были бы дети – это несомненное Божье благословение.

Племянница оживила их богатый и огромный иркутский дом. Оба супруга привязались к ней как к родной дочери, и эта привязанность дошла в Ольге Ивановне до того, что когда умерла ее сестра, к испытанному ей удару присоединилась эгоистическая мысль, которая ее утешила: более не было человека, который имел бы право на Кору.

Вскоре после смерти Надежды Ивановны состоялся переезд Тихона Захаровича с женою и племянницей в Петербург.

Он решился расширить свои обороты и попытать счастья на казенных подрядах.

Счастье ему и тут благоприятствовало – сибирский богач был принят с распростертыми объятиями не только петербургским первостатейным купечеством, но и высшим кругом, тоже с приятностью преклоняющим свое ухо, а вместе и голову перед чудной мелодией звенящего золота.

Тихон Захарович, славившийся еще в Иркутске своим широким, чисто русским гостеприимством, начал жить открыто и на берегах Невы, что, впрочем, было ему необходимо для его дел и поддержки связей и знакомств с нужными ему представителями высшей администрации, которые, как известно, принадлежат к людям, любящим покушать.

Слава об обедах и ужинах Зуева, прозванных «лукулловскими», гремела по Петербургу.

Его дом на одной из набережных красавицы Невы отделан был с царскою роскошью.

Прошло шесть лет.

Маленькая Кора уже два года как была в Павловском институте и отличалась необыкновенными способностями и прилежанием.

Ольга Ивановна не пропускала ни одного приемного дня, чтобы не повидать свою ненаглядную Корочку, и привозила ей такое количество гостинцев, которыми можно было накормить весь институт.

Оно так почти и было, потому что добрая по сердцу Кора делилась по-братски со своими подругами и однокашницами.

Начальница, инспектриса и классные дамы тоже не были забыты дядей и тетей «сибирячки-миллионерши», как звали Кору Батишеву в институте, и она, соединявшая в себе красоту и благонравие, ум и прилежание, была положительно кумиром всего института начиная с начальницы и кончая и судомойкой.

Вдруг в один зимний вечер по петербургским гостиним разнеслась с быстротой молнии весть о внезапной смерти Тихона Захаровича Зуева.

Действительно, неумеренного в пище, несмотря на предупреждение докторов, Тихона Захаровича после одного из его «лукулловских обедов» хватил удар, по счету третий, и через каких-нибудь два-три часа его не стало.

Пораженная смертью мужа, Ольга Ивановна не пришла, однако, в полное отчаяние и с необычайною поспешностью, похоронив мужа, взялась за устройство дел покойного.

То, что супруги жили душа в душу и Тихон Захарович не только ничего не скрывал от Ольги Ивановны, но даже посвящал ее в малейшие подробности своих дел, принесло свою пользу.

Она с выгодой ликвидировала дела своего мужа, и эта лихорадочная деятельность была одной из причин уменьшения острой боли обрушившегося на нее горя.

Дом на набережной Ольга Ивановна продала и купила себе особняк на Нижегородской улице, куда и переехала.

Всю свою любовь и нежность она сосредоточила на своей любимице Коре и ограничилась посещением института, церкви, да некоторых знакомых попроще, хотя никогда не отказывала в делах благотворительности и состояла «дамою-патронессою» в нескольких благотворительных учреждениях столицы, где невольно сталкивалась и с большим петербургским светом.

Надо заметить, что это бегство из общества произошло далеко не по причине скромности Ольги Ивановны. Она, глядевшая на все глазами покойного, находила себя совершенно достойною стоять в рядах представительниц высшего столичного общества и стремилась в него, как и покойный, пока эти представительницы были ей нужны по делам ее мужа.

Теперь дела прекратились и поддерживать связи с графинями и генеральшами было только убыточно – вот причина, почему Ольга Ивановна сперва под видом глубокого траура, а затем уж будто бы по болезни перестала появляться в великосветских гостиных.

Честолюбие между тем у ней было такое же, как и у покойного ее мужа.

За неимением собственных детей надежды Тихона Захаровича и Ольги Ивановны возлагались на племянницу.

– За графа или князя отдадим, не иначе! – говорил самоуверенно Зуев в беседе с женою о будущности Кору.

Этой мысли сочувствовала и Ольга Ивановна, а потому время от времени она продолжала приносить денежные жертвы разным сиятельным благотворительницам, оставляя себе лазейку снова появиться в высшем свете, но уже с красавицей-племянницей, внешность которой, два миллиона приданого и наследство после миллионерши-тетки могли позолотить какой угодно графский или княжеский герб, а таких гербов, требующих настоящей позолоты, в Петербурге с каждым годом являлось все более и более.

Наконец вожделенный день для Ольги Ивановны настал.

Кора кончила курс и появилась в ее доме, где для нее были приготовлены роскошные и богатые туалеты, долженствовавшие служить великолепной рамкой не менее великолепной картины. В своем выпуске она была самая молоденькая, ей едва минуло шестнадцать лет.

Но к этому-то времени Ольга Ивановна начала чувствовать недомогание и доктора настойчиво посылали ее за границу.

– Лечиться мне там?.. У кого же?.. – спросила она своего домашнего доктора, петербургскую знаменитость.

– И полечитесь... А главное рассеетесь... Это очень важно... для обмена веществ в организме... – глубокомысленно отвечала знаменитость.

– Коли так, я с племянницей поеду, ей белый свет покажу...

– И отлично...

Заграничная поездка была решена, и определено было даже время отсутствия из Петербурга: год.

К зимнему сезону решено было вернуться на берега Невы и тогда начать выезды с целью пленить графа или князя, как мысленно дополняла Ольга Ивановна.

Судьба решила несколько иначе.

Тетушка и племянница пропутешествовали несколько долее назначенного времени, задержавшись в Вене и Париже, – этих городах «дамского счастья».

Ольга Ивановна, кроме того, действительно прихворнула и очутилась в Канне.

Неожиданно там же появился нуждающийся в золочении графский герб, в лице его носителя графа Владимира Петровича Белавина.

Представленный княгиней Лидской, он быстро начал атаку сердца молодой девушки, и атака оказалась удачной.

Он сумел понравиться и Ольге Ивановне.

Сделанное за него последней предложение княгиней Лидской было принято.

В Петербург Конкордия Васильевна вернулась уже невестою графа Белавина.

– И к лучшему... Никто как Бог!.. – думала Зуева, возвращаясь в Россию и смотря в купе первого класса на сидящую против нее парочку.

– Пара не пара, дорогой марьяж!.. – неслась в ее голове русская поговорка.

Она, по настоянию мужа, перестала употреблять поговорки и пословицы в разговоре, но в думах своих позволяла себе эту роскошь – дань ее чисто русского народного происхождения.

Будущее любимой племянницы рисовалось Ольге Ивановне в радужном блеске: богатство, титул, любимый и любящий муж, общественное положение, соединенное с почетом и уважением, все, казалось, было налицо для полного земного счастья будущей графини Белавиной.

Граф Владимир Петрович и его невеста с теткой возвратились в Петербург в конце мая.

Свадьба была назначена в сентябре, так как эти три месяца отсрочки были потребованы Зуевой для окончательного заготовления приданого, большинство вещей которого было заказано в Вене и Париже и не могли быть получены ранее этого времени.

Молодые люди согласились без протестов.

Граф сообразил, что настойчивостью он может разрушить обаяние к своей особе, которое успел внушить Ольге Ивановне, и кто знает, что под ее влиянием Кора может измениться к нему, так как он еще не успел – он чувствовал это – совершенно овладеть ее сердцем.

Конкордия Васильевна была еще совершенным ребенком, страсть, этот стимул энергичных поступков женщины, ведущий ее зачастую одинаково и к исторической славе, и на скамью подсудимых, а в обыденных рамках жизни, заставляющий ее действовать наперекор всем и всему, очертя голову, еще не просыпались в ней.

– То веселая чересчур, то необычайно грустная, то практическая, то мечтательница, она являла из себя ту неустановившуюся натуру, тот мягкий воск, из которого скульптор может вылепить чудо искусства, или бесформенную массу.

Таким скульптором для нее была пока что ее тетка Ольга Ивановна Зуева, которую Кора любила до обожания.

Встреча с графом застала ее, как мы знаем, в то время, когда она, только что покинув институтскую скамью, делала первые самые счастливые шаги самостоятельной жизни предаваясь отдыху и удовольствиям, без всяких планов о будущей жизни, и без малейшего понятия об этой жизни.

Граф был молод, красив, знатен, все те свойства выгодной партии, которыми обладают герои романов, прочитанных тайком ею в институте.

Тетя отзывалась о нем с похвалой и считала его достойным претендентом на ее руку.

Чего же больше надо?

Ей оставалось только влюбиться.

Она это и сделала.

Знарок женского сердца граф Белавин очень хорошо понимал это, как следовательно понимал и то, что его дело еще не доведено до конца, что ему еще придется работать над пробуждением в этой девушке-ребенке настоящего чувства.

Он был доволен и тем, что ощущал на своей дороге твердую почву.

Расположение детей приобретается игрушками и конфетками, расположение девушек-подростков драгоценностями и тряпками – они кандидатки в женщины, а путь к сердцу женщины свободен лишь тогда, когда устлан дорогими материями и усеян драгоценными камнями.

Граф просил позволения по французскому обычаю родовых аристократов принять участие в пополнении, без сомнения и без него переполненной, свадебной корзины своей невесты.

Ольга Ивановна согласилась с благосклонной улыбкой. Довод, что таков обычай родовых аристократов, был для нее безапелляционен.

Радостно улыбающееся личико Кору красноречивее согласия ее тетки говорило о том, как она приняла это любезное предложение жениха.

По приезде в Петербург он стал положительно осыпать свою невесту подарками, изящество которых, доказывающее вкус ее будущего мужа, приводило ее в восхищение.

Тайна этого заключалась в том, что они были выбраны женщиной.

Если бы знала это счастливая невеста?

Как бы был глубоко возмущен, узнав об этом Федор Дмитриевич Караулов.

У. Под венец

Граф Владимир Петрович Белавин был совершенно одинок.

Его отец и мать умерли, когда он был еще на первом курсе университета, и он на девятнадцатом году почувствовал себя самостоятельным и свободным.

Вышедши из университета со второго курса, он бросился в жизнь, в ту широкую петербургскую и заграничную жизнь, которую позволяли ему его средства и которая поглотила эти же средства.

Он последний в роде графов Белавиных, и хотя со стороны матери у него были в Петербурге родственные связи, но ввиду того, что его отец еще вскоре после свадьбы разошелся с родными своей жены, эти родственники знали о сыне враждебно относящегося к ним человека – некоторые только понаслышке, а некоторые по встречам в великосветских гостиных.

Да и гостиные эти не очень жаловал граф Владимир Петрович. Он принадлежал к так называемому веселящемуся Петербургу, и после будуаров французских актрис, балетных танцовщиц, «дам полусвета», невыносимо скучал в гостиных чопорных великосветских домов.

– Что я найду там: чопорных старушек и не менее чопорных девиц-недотрог, от которых веет нежными, чуть слышными духами и одуряющей скукой, или же бледные копии тех же актрис и кокоток в лице эмансипированных светских дам и девиц? Чего искать у них? Любви. Но ведь это все равно, что идти смотреть игру любительницы, неумело пародирующую знаменитую артистку, когда есть возможность наслаждаться игрой самой этой артистки.

Так рассуждал граф и делил свое время между товарищами-собутыльниками и «артистками любви» иностранными и доморощенными.

За последнее время в России завелись и такие.

Те мимолетные связи, для которых месяц-два составляют уже тяжелую, скучную вечность с этими «артистками любви», наполняли жизнь графа Белавина, и он несколько отрезвел только тогда, когда от сравнительно большого состояния, оставленного ему родителями, остались два-три десятка тысяч и заложенный в кредитном обществе и в частных руках дом на Литейной.

Наступил тот момент в жизни петербуржца «вивера», который Н.А. Некрасов определил строками:

Пуста душа и пуст карман:
Пора, пора жениться...

Последнюю и самую продолжительную связью графа Владимира Петровича была связь с одною знаменитой петербургской танцовщицей, известной среди балетоманов под именем Маруси.

Они расстались друзьями.

Он без сожаления. Она вскоре утешенная, если не около сердца, то около кармана одного государственного старца финансиста и политико-эконома, ветхого днями, но юного чувством.

Супруга старца, купленная им когда-то за сходную цену у одного сговорчивого публициста, подняла шум, что только усилило страсть ее мужа и придало блеск и сенсацию любовной интриги государственного старца и балетной звезды.

Обсуждая выбор подарков своей невесты, граф с легким сердцем обратился к своему другу, как обыкновенно величают оставленных подруг, – Марусе за советом и помощью.

Караулов назвал бы это преступлением.

И он был бы почти прав.

Это было профанацией.

О дивная тайна супружеского ложа, о святая чистота молодых новобрачных, вы были заранее осквернены!

С мелодичным, но в данном случае, казавшимся для всякого честного человека, наглым смехом выбирала Маруся вместе с графом подарка для его невесты.

– Вот брюссельские кружева... Они великолепны... Но они предназначены, увы, для того, чтобы похоронить твое сердце... – приговаривала она. – Хорошо еще, что брак – могила, из которой можно воскреснуть, но только не для того, чтобы возвратиться к жене...

– Кто знает эту чудную брошь она, быть может, наденет тогда, когда изменит тебе в первый раз.

– Замолчи... – не выдержал даже Владимир Петрович и нахмурил брови.

– Ха, ха, ха... – покатывалась Маруся, – ты имеешь вид будто сейчас бросишься меня бить... Слуга покорная... Я этого не хочу... Не я ведь напросилась бегать с тобой по магазинам, ты сам пришел ко мне и просил меня помочь тебе... Если тебе неприятно, что я смеюсь... я пойду домой... Покупай все сам... Не плакать же мне оттого, что тебе пришла охота жениться... Были средства и ты позволял себе быть холостым... Истратился... – женись... Я смеюсь всегда над всем и ни тебе, и ни твоей будущей супруге мне это запретить.

Что мог он возражать на это?

Не сам ли он был виноват? Не сам ли он, посвятив «жрицу земной любви» в тайну своей любви к невесте, оказал последней неуважение.

Какое же уважение он мог требовать к ней от Маруси – этой звезды балета и веселящегося Петербурга.

Время летело.

В доме графа уже была готова роскошная квартира. Все было отделано заново. Ни одной вещи не было перенесено из его холостой квартиры.

Ему казалось, что все эти вещи загрязнены его прошлой жизнью.

Подействовал ли данный ему Марусей урок, или же вообще он пришел к решению перемениться, только после отпразднованного им за день до свадьбы мальчишника, на который собрался весь веселящийся Петербург обоего пола, он искренно простился навсегда со своею холостой, беспутной жизнью.

Пир происходил в холостой квартире и длился всю ночь. Многие заснули, где сидели, на диване, креслах и даже на полу.

Когда, наконец, поздним утром квартира опустела, граф Белавин с неподдельным отвращением произнес:

– И это называется жизнью!..

В тот же день он приказал позвать маклаков, продал им за бесценок всю обстановку и даже рассчитал щедро лакея, лишь бы не оставалось никаких воспоминаний об омерзительном прошлом.

С чистой душой и добрыми намерениями он приготовился идти к алтарю.

Наконец... наступил назначенный день.

Венчание происходило в церкви Пажеского корпуса, и по странной игре случая невесту ввел в церковь тот самый государственный старец, у кармана которого нашла себе утешение балетная Маруся после разрыва с графом Белавиным.

Блестящая свадьба привлекла весь петербургский свет, к которому по рождению принадлежал жених, привлекла из любопытства, тем более, что происходила в сентябре, в глухое время петербургского сезона.

На разосланные приглашения как со стороны графа Белавина, так и со стороны Ольги Ивановны Зуевой, откликнулись все, кто видел графа хотя мельком в своей гостиной и кто знал покойного Тихона Захаровича.

Роскошные туалеты дам, блестящие гвардейские мундиры, изящные фраки золотой петербургской молодежи и сановных лиц, украшенные звездами, все это, освещенное зажженными люстрами, представляло грандиозную картину.

Невеста, сияющая молодостью и красотой, в серебристом белом платье, с флер-д'оранжем на голове и груди, с великолепными солитерами в ушах, единственной надетой на ней драгоценностью, но драгоценностью, стоящей целого состояния, произвела на всех неотразимое впечатление.

Жених красавец-граф также, как и его будущая подруга жизни, с несколько взволнованным, побледневшим лицом представлял достойную ей пару.

Шепот восторга присутствующих сопровождал их шествие к поставленному среди церкви аналою.

По окончании венчания все блестящее общество перешло в великолепные залы этого бывшего канцлерского дома, где ливрейные лакеи разносили шампанское, фрукты и конфеты.

Началось поздравление молодых и пожелания им счастливой жизни.

Эти пожелания и поздравления были в данном случае в большинстве искренними, так как «дивная парочка», как выразился один из присутствующих сановников, действительно привлекала к себе сердца. Конкордия Васильевна, казалось, была создана для того, чтобы жить в лучах счастья, и нагнать тень на это прелестное личико было бы преступлением, решиться на которое мог только очень испорченный человек.

Не таким казался граф, хотя его прошлое – это знали все – не было безукоризненно. Но кто не отдавал дань юности? Кто не был в молодых годах мотыльком, летящим на яркое пламя доступной женщины?

Граф Белавин не выглядел опалившим себе крылья.

Его восторженный взгляд, покоившийся на молодой жене, красноречиво говорил о любви – какая это была любовь, немногие задавались таким вопросом.

Они видели взаимность чувств и на этом строили предположение о будущем счастье молодых супругов.

Его им они искренно желали.

«Государственный старец», приветствуя молодых, сказал несколько слов о том, что брак есть граница между двумя странами – страной юношеских увлечений, и страной – семейных добродетелей и поздравил графа с переездом через эту границу.

Его дебелая супруга, чересчур обнажившая свои увядающие прелести, не утерпела и довольно громко и ядовито заметила:

– «Врачу, исцелися сам».

Из церкви молодые уехали к себе, в сопровождении немногих лиц, чтобы переодеться, и в тот же вечер курьерский поезд варшавской железной дороги мчал их за границу.

Молодой супруг вез свою молодую жену в Италию, страну, как бы созданную для влюбленных и воспетую в этом смысле поэтами всех времен и народов.

Граф окружил свою жену такою ласковою заботливостью, таким вниманием влюбленного, что она вполне оценила ту взаимную любовь, которая усугубляет прелести этой волшебной страны.

Впрочем, открывшийся этой девушке-ребенку новый горизонт вначале омрачился тучами, которые, впрочем, скоро рассеялись.

Молодые приехали в Геную, и в этом-то городе Конкордия Васильевна в одно прекрасное утро проснулась женщиной.

Ей показалось, что само солнце, которое огненным снопом своих лучей врывается в ее комнату, есть светило вероломства и лжи.

В ее душе появилось вдруг ужасное отвращение к действительности. Иллюзии, которыми она жила, были разбиты.

Краска стыда невольно заливала ее щеки, и она негодовала на себя за то, что попалась, как казалось ей, в расставленные ей гнусные тенета.

Она чувствовала себя опутанной ими и билась как птичка.

О если бы она могла, как бы сильно она возненавидела человека, который так рано и так жестоко уничтожил ее мечты и грезы.

Он был тут же, около нее, и, казалось ей, смотрел на нее с торжеством победителя.

Победителей не судят.

Она любила своего победителя и простила ему.

Тучи рассеялись, но воспоминание о них осталось в ее душе. Она любила и покорилась своей участи, только покорилась.

Несмотря на пресыщение любовью в банальном значении этого слова, и, может быть, именно вследствие этого пресыщения, близость очаровательной жены-ребенка, чувство собственности над ней, мутило ум графа – он думал лишь о себе, не понимая, что эгоизм в деле любви наказывается отсутствием восторга взаимного наслаждения, восторга, который делает обладание женщиной действительным апофеозом любви.

Единственное первенство женщины, за которое должны стоять все мужчины, это первенство в наслаждении, первенство в любви.

Если женщина в ней только подчиняется, то теряет всю свою прелесть. К сожалению, немногие мужчины понимают это.

Это причина большинства несчастных браков и связей.

Молодая графиня, повторяем, подчинилась тому, чему не смела не подчиниться. Она примирилась с мыслью, что то, что с ней случилось вначале, будет случаться до конца.

О святая простота честной женщины, которая думает, что, отдаваясь, она исполняет свои обязанности... и только!

Сколько в этом жизненной трагедии!

Как гнусно это подчинение чувственности без чувства!

Честная женщина верит, что это называется браком.

Какая профанация таинства!

Граф повез свою жену из Генуи в Венецию, из Венеции в Неаполь.

В течение месяца он был в каком-то очаровании страсти, он расточал ласки своей молодой жене, не замечая, что ответные ласки этой женщины-ребенка были ласками рабыни.

Театры, концерты, музеи, великолепные картины природы, удобство путешествия, комфорт отелей, маленькие подарки сюрпризом, в Турине – фарфор, в Генуе – филигранные вещи, в Неаполе – жемчуг и кораллы, в Венеции – бриллианты – все было к услугам молодой женщины, чтобы медовый месяц показался ей фантазмагорией.

Он не дал ей только одного – жизни женщины.

Рабски отдающаяся молодая жена представляла для него лишь лакомое блюдо, которое он смаковал с восторгом гастронома, но которое вскоре приелось ему.

Уже во Флоренции он почувствовал некоторого рода пресыщение.

Всегда кроткая, покорная, безответная, всецело принадлежащая ему, его жена начала казаться ему слишком однообразною.

Его порой выводило из себя одно и то же выражение нежности в ее голубых, прекрасных глазах.

Он чувствовал себя полновластным господином этого прелестного существа, возбуждавшего всеобщий восторг даже в стране красивых женщин – в Италии, и это самое чувство безграничной собственности не только не уменьшало достоинства вещи – она была именно его вещью – но почти сводило их к нулю.

К концу третьей недели он не выдержал.

Его обуяла скука по Петербургу.

VI. Первая жизненная грязь

Если бы граф Белавин был психолог, он обвинил бы себя в непостоянстве.

Но он не был им.

А потому ему казалось, что виновата во всем окружающая обстановка. Он находил Италию утомительной. Ее статуи, ее картины, ее монументы, даже ее небо – все, казалось, наводило на него скуку.

Он внезапно, без приготовлений объявил, что на другой день они едут в Россию.

В это время они уже вторично были в Риме.

– Я готова! – улыбнулась нежно Конкордия Васильевна, и положила свои руки на плечи мужа, протянула свои губки для поцелуя.

На другой день они действительно уехали.

Квартира на Литейной была уже давно готова.

Великолепно отделанная и меблированная, за порядком в которой присматривала Ольга Ивановна Зуева, квартира не носила на себе отпечатка нежилого помещения и приняла в свои гостеприимные объятия молодых супругов.

На дворе стоял конец декабря – полный разгар сезона.

После нескольких дней отдыха они сделали визиты.

Вокруг молодых супругов тотчас образовалось кольцо светских франтов, молодых, старых и не имеющих возраста, живущих состоянием прошлого, в кредит, в проблематической надежде на состояние будущего, в форме приданого или наследства.

Они закружились вокруг молодой, очаровательной графини Конкордии, как мотыльки у огня. Compliments, букеты, всевозможные маленькие услуги – все было пущено в ход этими паразитами чужого счастья, чтобы похитить у новобрачного его жену, это признанное петербургским светом чудо красоты.

Наивность молодой графини послужила ей лучшим щитом, нежели даже тонкая дипломатия света.

Все стрелы колчана Амура притуплялись об ее мраморное равнодушие.

Она для всех имела одну и ту же приветливую улыбку.

Никто не мог похвастаться оказанным ему предпочтением.

Поклонники мало-помалу ретировались.

Одни из боязни показаться смешными, другие от утомления осады без результата.

Мнения мужчин о графине Белавиной разделились: одни говорили, что она глупа, другие, что холодно-расчетлива.

Все вообще ее прозвали «красивой куколкой».

Граф Владимир Петрович оценил эту твердость своей жены.

– Однако она им всем подала карету, в которую они садились с преглупыми лицами... – смеялся он.

– Им не удалось отплатить мне за прошлое – несчастным супружеством... – думал он, потирая руки.

Уверенность в безраздельной любви сделала его самонадеянным.

Есть прелесть в любви женщины, которая очаровывает всех и перед которой все тщетно расточают соблазны.

Спустя некоторое время, он открыто стал торжествовать победу над ухаживателями за своей женой, смеясь над ними в глаза и за глаза.

Отступившие не остались в долгу.

«Если кто не заслуживает счастья иметь такую жену, то это именно это животное – Белавин... – говорили одни».

«Ба, да он еще рано затрубил победу... Подождем... Может вмешаться дьявол... – заявляли другие».

«И вмешается... Помяните мое слово, – утверждали третьи».

Граф Владимир между тем продолжал казаться до неприличия, как утверждали иные, счастливым, и публично ухаживал за своей женой.

Что было совершенно неправдоподобно, так это то, что это продолжалось уже три месяца. За эти три месяца граф был всего два раза среди своих холостых друзей, но не провел ни одной ночи вне дома.

Даже балетная Маруся, не слишком верная, по необходимости, как объясняла она своим, – государственному старцу клялась своею честью, что не видала три месяца графа Владимира.

Эти три месяца были тремя столетиями в жизни светского человека.

Но чаша счастья графа переполнилась.

Он снова почувствовал утомление.

Он стал зевать от счастья.

Это дурной признак в любви, особенно в любви супружеской.

Граф предложил своей жене новое путешествие.

Без возражения, с обычным своим спокойствием графиня Конкордия согласилась.

Это безусловное послушание взбесило графа Владимира Петровича.

Он желал бы встретить лучше резкий бесповоротный отказ, чем эту надоевшую ему покорность.

– Нет, теперь ехать невозможно... Наступает концертный сезон, смешно не успевши приехать, снова скакать куда-то... Я не хочу быть смешным... – заявил он таким раздражительным тоном, точно поездку предложил не он, а графиня.

Последняя посмотрела на него несколько удивленно:

– Так останемся в Петербурге.

– Конечно, останемся.

– Я не имею ничего против.

– Мне бы интересно знать, против чего ты была бы против... – заметил он, с чуть заметной усмешкой.

Графиня ничего не ответила.

Супруги разошлись по своим комнатам.

– Жена – ангел! Ангел – это дух... Брак как мой – цепь из цветов... Но увы, и дух, и цветы бывают подчас очень тяжелы... – размышлял граф.

Он решил несколько изменить свою жизнь и ввести свою жену в круг своих прежних друзей. Ему понравилась оригинальная мысль – присутствия супружеской пары в среде веселящегося Петербурга.

Он предложил ей быть его товарищем.

Это ее несколько удивило, но неопытная молодая женщина всецело доверилась своему мужу, вполне уверенная, что граф знает петербургское общество лучше, чем она, и введет ее в приличный круг.

Супруги начали развлекаться.

Царство оперетки и шансонетки, угар пикников, разухабистые песни цыган и разных интернациональных хоров, спертый воздух отдельных кабинетов – вот мир, который открылся перед ними, мир, привычный для графа и вначале только любопытный для графини.

Эта атмосфера действует одуряюще и, быть может, Конкордия Васильевна постепенно бы втянулась в эту жизнь бессонных ночей, постоянного разгула, где, по выражению современного романа: «за стаканом пьют стакан, в голове туман, туман».

Сколько молодых женских жизней гибнет под звуки разухабистой цыганской песни, бессмысленной, но всегда наглой шансонетки, звон стаканов и растлевающей атмосферы «первоклассных кабачков».

Первые шаги этих жертв заманчивых оргий робки и нерешительны, затем идет постепенно засасывание этой тиной, и очень скоро молодая женщина, нервы которой достаточно притупились для эстетических наслаждений, требует все более и более эксцентричных удовольствий, и из нее делается изящная, соблазнительная на вид, но глубоко развращенная «жрица веселья», представительница веселящегося Петербурга.

Она напоминает собою упавший с дерева прекрасный по наружности плод со сгнившей сердцевиной.

Но, к счастью, для графини Белавиной ее муж оказался таким же плохим руководителем своей жены в петербургском полусвете, как и в первых месяцах ее замужества в заграничном уединении и в «свете».

Он не сумел показать ей все наслаждение этой увлекательной для юности жизни с казового конца.

Он не понимал, что яд надо давать в сладких пилюлях, в малых дозах, чтобы приручить к нему здоровый организм, иначе он вызовет тошноту.

Это и случилось с молодой графиней.

Она смотрела наивными глазами на окружающее ее неприкрытое бесстыдство, даже начала улыбаться ему, как вдруг ей внезапно было нанесено страшное оскорбление, и глаза ее открылись.

Однажды после спектакля в Малом театре супруги отправились ужинать вдвоем в отдельный кабинет одного из модных французских ресторанов.

Граф Владимир Петрович, усиленно залив обед, был сильно навеселе. Шампанское за ужином усилило опьянение.

Он вышел пройтись по общей зале ресторана, оставив дверь кабинета полуоткрытой.

Не прошло десяти-пятнадцати минут, как в кабинет смелой, привычной походкой вошла одетая в бальное платье красивая, хотя сильно отремонтированная женщина с большими наивными темно-синими глазами, с пепельными волосами, мелкие завитки которых спускались на лоб.

Она вошла и села на только что покинутое графом кресло.

Графиня удивленно оглядела непрошеную посетительницу.

Внезапность ее появления и развязность, с которой она уселась, поразили Конкордию Васильевну.

– Граф, ваш муж, совсем пьян... – начала незнакомка, – и лезет ко мне. Я бы лично против этого ничего не имела, так как это значило бы только вспомнить прошлое, что для всякой женщины легче, нежели начинать сначала. Но у меня явилась мысль, сделав счастливым сегодня графа, осчастливить еще одного человека.

Пепельная блондинка фамиллярно подмигнула графине.

– Что вам здесь угодно?... Я вас не понимаю... – опомнилась наконец та.

– Князь Девлетов обворужен вами, и я взялась это ему устроить... А за что берется Маруся – она делает... Да и почему, если ваш муж меняет вас на меня, то вам...

– Замолчите... Подите вон!.. – вскочила, наконец, поняв ее, графиня.

– Ого! Как хотите, так я беру графа... – встала балетная Маруся – это была она – и вышла из кабинета.

Конкордия Васильевна стояла несколько мгновений как бы в каком-то оцепенении, затем быстро надела шляпку и бросилась из кабинета по коридору к выходу.

Лицо ее носило выражение такой несвойственной ей строгости и решимости, что лакеи не посмели остановить ее.

Швейцар накинул на нее ротонду и Конкордия Васильевна, выскочивши на улицу, бросилась в сани первого попавшегося ей извозчика и приказала ему ехать домой.

Несмотря на теплый мех ротонды и оттепель на дворе, графиня Белавина вся дрожала от непрерывного внутреннего озноба.

Возвратившись домой, она прямо прошла к себе в спальню и имела мужество позволить себя раздеть горничной, не выдав при ней своего волнения.

Когда та удалилась, Конкордия Васильевна вскочила с постели, босая побежала к двери, заперла ее на ключ и только тогда, вернувшись на кровать, упала ничком в подушки и глухо зарыдала.

Всю ночь она не осушала глаз.

Никогда не выдавшая не только горя, но малейшего огорчения графиня Конкордия считала себя окончательно сраженной обрушившимся на нее несчастьем.

Несчастье, впрочем, действительно было велико.

Созданный ею кумир, в лице ее мужа, вдруг внезапно упал с своего пьедестала и валялся, разбитый вдребезги, в грязи.

Чувство любви – любви, освященной клятвой перед алтарем Бога, было безжалостно поругано.

Он сам, этот человек, ее муж, толкнул ее в омут, где первая встречная женщина считала себя вправе нанести ей жестокое оскорбление.

Это оскорбление именно и усугублялось тем, что было нанесено без желания оскорбить – женщина, предложившая ей позор и преступление, не находила этот поступок ни позорным, ни преступным и считала ее, графиню Конкордию, способной согласиться на ее предложение.

Это ли не ужас!

Позор, преступление считается до того обычным среди того общества, в которое ввел ее муж, что самые гнусные предложения в этом смысле делаются с наивной улыбкой, превращающейся в не менее наивное недоумение в случае отказа.

Перед духовным взором Конкордии Васильевны неотступно стояло наивное выражение хорошенького личика балетной Маруси, предлагавшей ей заменить мужа любовником.

Марусе казалось это так просто.

Сколько ужаса в этой простоте.

Все это проносилось в разгоряченном мозгу графини Конкордии, который жгла, как раскаленная капля свинца, одна страшная мысль, что в это положение поставил, в это общество ввел ее никто другой, как ее муж.

Ужели он сам, своими руками хотел разбить свое счастье, развратить собственную жену?

Это было чудовищно!

Молодая женщина с ужасом старалась отогнать от себя эту мысль, а между тем все, ею пережитое, виденное, слышанное и лишь теперь в эту бессонную ночь передуманное, говорило, что это так.

В то время, когда уже довольно позднее, но сумрачное петербургское утро пробилось сквозь опущенные гардины спальни молодой женщины и осветило ее лежащую на кровати с открытыми опухшими от слез, отяжелевшими от бессонной ночи глазами, граф Владимир Петрович только что уснул у себя в кабинете тем тяжелым сном кутившего всю ночь человека, которым сама природа отмщает человеку за насилие над собою дозволенными излишествами.

Когда он проснулся, был уже второй час дня.

Подняв с подушки свою отяжелевшую голову, граф обвел вокруг себя посоловелыми глазами и начал с усилием припоминать происшествия минувшей ночи.

Он чувствовал себя совершенно разбитым физически, и к этой усталости тела с наплывом воспоминаний присоединилось нравственное утомление.

Воспоминания были не полны и отрывочны, но в общем он сознавал лишь одно, что он в первый раз изменил своей жене.

Но куда девалась его жена? Он не нашел ее, вернувшись в кабинет. Положим, он задержался довольно долго в веселой компании. Но она могла подождать. Она – его жена.

Он припоминал, что он тотчас хотел ехать домой, но Маруся так мило просила его остаться... Он был очень пьян и позволил себя уговорить, она его раззадорила тем, что сказала, что жена его бросила, а он бежит за ней просить прощения.

Он остался и потерял власть над собой.

Им овладела Маруся.

Но куда девалась его жена?

VII. Объяснение

Люди своих ближних судят по себе.

Закоренелый проворовавшийся негодяй не может допустить существования честных людей. По его мнению, это такие же, как и он сам, негодяи, но более ловкие, счастливые, а потому и не попавшиеся.

Этим он старается заставить умолкнуть все-таки порой просыпающийся в его черной душе голос совести.

С графом Белавиным случилось то же самое.

Совесть зашевелилась в нем при мысли, как он посмотрит после того, что случилось вчера, в глаза своей жены.

Он старался заглушить этот голос, обвиняя ни в чем неповинную молодую женщину.

Это старание было так искренно, что граф стал испытывать муки ревности.

«Куда скрылась Конкордия из ресторана?»

«Домой... – отвечал он сам себе. – Но домой ли?.. Дома ли она и теперь?»

Он иронически улыбался.

Стоило, конечно, спросить прислугу, но, во-первых, подобные справки унижали его в собственных глазах, и во-вторых, и это было главное, граф был так пьян, что не мог дать себе положительного отчета, в котором часу он покинул свою жену, сколько времени провел в соседнем кабинете, и, наконец, когда обнаружил исчезновение графини.

Кроме того, в его уме жило все-таки некоторое сомнение, умеряющее муки ревности. Что если это сомнение исчезнет?

Что если прислуга скажет, что графиня вернулась домой утром, или что графиня еще не возвращалась.

А такой ответ возможен!

Так, по крайней мере, думал Владимир Петрович.

Оправдывая себя в своих собственных глазах, он строил это оправдание на все большем и тяжком обвинении своей жены.

В конце концов виновность ее казалась ему доказанной.

«Возможно ли, – уже воскликнул почти уверенно граф, – правдоподобно ли, чтобы эта женщина, такая молодая, такая прекрасная была чудовищем лицемерия и вероломства... Могли он так ошибиться, он – такой знаток женщин, умевший с первого взгляда, по мимолетному выражению их лиц определять их характер и темперамент».

Злоба против жены, подогреваемая сознанием своей вины, все сильнее и сильнее колокотала в сердце графа.

– Зачем она убежала? Куда она ушла?

Он чувствовал, что это необходимо ему узнать – иначе неизвестность была мучительнее самой горькой истины.

Граф стал одеваться и к двум часам – часу завтрака – вышел в столовую.

Комната была пуста.

– Где же графиня? – деланно равнодушным тоном спросил он у стоявшего около буфета человека.

Голос его все-таки был несколько хрипл и дрожал.

– Их сиятельство еще не изволили выходить из своих комнат... – почтительно отвечал лакей.

– А... – произнес граф и незаметно облегченно вздохнул.

Графиня была дома.

Владимир Петрович отправился в ее комнаты.

Он застал ее одетою всю в черном, стоявшею у окна и рассеянно смотревшую на улицу. Комната, в которую он вошел, была маленькой гостиной графини, за ней следовал будуар, а затем спальня, через умывальную соединявшаяся с кабинетом и уборной графа.

Он ранее хотел пройти на половину жены через спальню, но дверь из его уборной оказалась запертою со стороны помещения графини.

Маленькая гостиная положительно была лучшим и уютненьким уголком всей великолепно отделанной квартиры.

Она была угловая и масса света лилась в четыре окна. День был солнечный – редкий в Петербурге. Розовая обивка стен и мебели, такого же цвета портьеры и занавеси, громадное венецианское трюмо, этажерки со всевозможными *objets-d'arts* из фарфора, бисквита и бронзы, громадный во всю комнату пушистый ковер, – все делало этот уголок веселым и приветливым, какою была и сама хозяйка, только сегодня в своем черном платье со строгим выражением несвойственной ей серьезности на лице, она производила резкий контраст обстановке ее любимого уголка.

Граф Владимир Петрович остановился у порога.

Он почувствовал вдруг странное волнение.

Фигура даже не обернувшейся при его входе жены казалась ему воплощением его совести.

Но граф Белавин не был человеком, способным поддаться хорошим порывам, таившимся в глубине его испорченной натуры.

Напротив, то неприятное душевное замешательство, которое он ощутил перед беседой со своей женой с глазу на глаз, еще более озлобило его против нее, как главной причины хотя мимолетной, но все же сильной душевной боли, и он насильственно выдвинул на первый план все те подозрения, которые создал в своем уме относительно своей жены для оправдания своего поступка.

Надо заметить, чтобы быть справедливым, что он ничего не знал о разговоре с Конкордией Васильевной балетной Маруси и о нанесенном им его жене страшном оскорблении.

Конкордия Васильевна медленно повернула голову от окна и неотводно устремила свой взгляд на все еще стоявшего почти в самых дверях мужа.

Она показалась ему страшно изменившейся.

Горе, первое жизненное горе действительно ее преобразило.

Он, однако, меряя на свой аршин, в первую минуту приписал это тем же причинам, которыми объяснил недавно перед зеркалом и свое побледневшее, помятое лицо.

Он искал подтверждений своих подозрений, а если человек их настойчиво ищет, он всегда находит или создаст эти подтверждения.

Так было и с графом, хотя в глубине его души, надо сознаться, шевелилось сознание полной невинности его жены, но он не хотел прислушиваться к этому внутреннему голосу, так как иначе чем же был он перед этой «святой женщиной».

Признаться даже самому себе в своем нравственном ничтожестве казалось ему ужаснее, нежели быть обманутым, хотя и последнее жгло ему мозг.

Ему приходилось выбирать.

Он выбрал последнее, что, впрочем, не мешало ему желать, чтобы невинность его жены была доказана впоследствии, когда первое жгучее объяснение забудется и состоится примирение.

Поэтому он почти нежным голосом, даже с некоторой тревогой спросил:

– Отчего ты нейдешь завтракать? Ты себя нехорошо чувствуешь? Ты больна?

При первых звуках его голоса на ее лицо набежала еще большая тень, ноздри задрожали от подавляемого внутреннего волнения.

– Мне кажется, что мне надо было задать вам этот вопрос... – ответила она сквозь зубы.

– Довольно странная манера отвечать... – кинул он с деланной небрежностью.

Он понял, что жена хочет сделать ему историю и шел навстречу ссоре, которая, казалось ему, извинит его вчерашний поступок. Подозрения, которые он создал, все же были в его глазах так проблематичны, что замена их сценой ревности ему улыбалась.

Конкордия Васильевна гордо выпрямилась.

– Не думаю, чтобы это могло показаться кому-нибудь странным, кроме вас... Взгляните на себя в зеркало и решите вопрос, кто кажется нездоровее: женщина ли с утомленным лицом, которая не сомкнула глаз всю ночь напролет, или же мужчина с помятой физиономией, спавший до двух.

Граф деланно улыбнулся.

Он чувствовал, что это было явное нападение, открытое объявление войны.

– Поистине, моя милая, – начал он развязным тоном, усаживаясь на одно из кресел и даже закидывая ногу на ногу, – если вы ищете предлога к ссоре, то это бесполезно, так как согласитесь сами, что я имею больше вас прав сердиться, однако этого не делаю... Следует ценить такую рыцарскую вежливость мужа...

Конкордия Васильевна, продолжая стоять перед ним, отвечала таким леденящим душу голосом, что у графа захолодило сердце.

– Прошу вас, милостивый государь, относиться к моим словам несколько серьезнее. Вчера произошли такие вещи, что я приобрела неотъемлемое право говорить с вами именно так, как говорю. Вы спрашиваете о здоровье вашей жены, которая провела ночь, оплакивая разочарование брака и все-таки беспокоясь о здоровье своего мужа, возвратившегося в семь часов и не подающего признаков жизни до двух.

«Значит она вернулась сюда прямо от Кюба, – сообразил он. – Чтобы сказать с такою точностью час, в который он вернулся домой, надо было считать часы... Она и считала их. Несомненно, что она ни в чем не виновата!»

Это, однако, обращало его в окончательно побежденную сторону и далеко не входило в его расчеты.

Он решил сам обратиться в нападающую сторону.

– Все это, признаюсь, очень остроумно, – воскликнул он с гневом, вскочив с кресла, – и делает честь вашей находчивости, но мне хотелось бы, чтобы мы играли соответствующие роли. Позвольте спросить вас, по какому праву вы уехали одна оттуда, куда приехали в сопровождении вашего мужа?

Графиня вспыхнула.

Все возмутилось в ней, все пришло на память при этом вопросе ее мужа.

– Милостивый государь... Ваше вчерашнее поведение можно было бы еще извинить, если бы вы явились ко мне с раскаянием... Вы же с наглостью напоминаете мне о вчерашнем эпизоде, который должны бы сами заставить меня забыть... Скажите мне, если вы это знаете, есть ли еще мужья, способные, как вы, обесчестивать своих жен, вводя их в такие позорные места...

– Позорные места!.. Это несколько сильно сказано... – отвечал он. – Конечно, Кюба не монастырь... И притом вы были в подобных местах не первый раз, однако, не выражали так сильно против них вашего негодования... Кроме того, вы были там с мужем, под его защитой.

– Вы должны бы были сказать, что я долго не понимала, куда меня возит муж, и это не делает честь вашему руководительству молодой женой. Вы должны мне были объяснить... Я ваша жена, а не содержанка, ваша подруга, а не товарищ... Тем хуже для вас, если я поняла это сама...

Все это графиня выговорила холодно-презрительным тоном.

– Это очень хорошо сказано, – со смехом заметил он, – но не дает мне, однако, объяснения, почему вы вчера, или лучше сказать сегодня, не дождались вашего мужа и уехали без него из ресторана.

– Я уехала потому, что защитник, о котором вы говорите, показался мне в эту минуту совершенно ненадежным, так как время, которое я провела одна в отдельном кабинете, оказалось достаточным, чтобы мне было нанесено страшное оскорбление.

Граф уже более не смеялся.

Он понял, что случилось нечто серьезное, и весь дрогнул, почувствовав, что нанесенное его жене оскорбление нанесено вместе с тем и ему.

Он даже сам в эту минуту обвинил себя за свой легкомысленный уход из кабинета.

– Оскорбление? – воскликнул он на этот раз с неподдельным волнением.

– Да и такое, при воспоминании о котором до сих пор мое сердце разрывается на части и кровь стынет в жилах.

Он приблизился к своей жене с видом виновного.

– Ты права, Кора, – начал он, не поднимая на нее глаз. – Я очень виноват перед тобою... Прости меня, если можешь... и позволь явиться хотя поздним, но все же защитником, или лучше сказать мстителем за оскорбление тебя.

Графиня оценила этот вопль души ее мужа, и он таким оборотом дела хоть несколько возвысился в ее глазах.

Сказать ему все она, однако, боялась.

Она сообразила сразу последствия такой откровенности.

Она уже видела перед глазами страшную картину дуэли и одного из противников мертвым. Что если это будет ее муж?

Сердце Конкордии Васильевны сжалось.

Граф, конечно, не простит князю Девлетову данное им гнусное поручение этой женщине...

При этом воспоминании графиня вздрогнула.

– О! – воскликнула она, закрыв лицо руками.

Владимир Петрович истолковал этот жест воспоминанием о нанесенной ей обиде.

Находясь в страшном возбуждении, он начал настойчиво требовать от жены подробного объяснения случившегося.

Но она уже успела овладеть собой.

Женщина с умом и сердцем, она инстинктом понимала, что есть вещи, в которых самые справедливые судьи – женщины.

Душевное состояние ее мужа красноречиво говорило, что он не остановится ни перед чем, чтобы отомстить оскорбителю.

Она решила молчать.

Но граф продолжал настаивать.

– Первый виновник, – наконец заговорила графиня – во всем происшедшем – это вы! Никто не обязан знать, жена или даже случайная любовница идет под руку с молодым человеком... В данном же случае ошибка была еще возможнее, так как эта молодая женщина была с этим молодым человеком в таком месте, которое посещают одни кокотки. Не уважая меня, вы подали повод не уважать меня и другим...

Граф молчал, стоя перед женой с поникшей головой.

Да и что он мог сказать ей на это?

Конкордия Васильевна была более чем права.

– Я сожалею, – продолжала она, – что вынуждена вам сказать, что вы меня жестоко обидели... Вы сами сознались в этом, хотя довольно поздно, но я готова принять ваше извинение... Дайте мне только несколько дней, чтобы прийти в себя и все забыть... Все, что вы можете

сделать для меня, – это не напоминать мне об этом страшном эпизоде, чуть не разъединившем нас на первом году нашего супружества...

– Я подчиняюсь... – покорно ответил он. – Я заслужил это и не жалею... Но нельзя ли просить тебя, чтобы через несколько времени не осталось ни малейшего облака, которое бы омрачило горизонт нашего первого счастья, а в эти выговоренные тобой дни я думаю бесполезно, чтобы люди...

– Вы напрасно об этом беспокоитесь... Я умею уважать себя... поверьте. Пойдем завтракать.

Он подал ей руку и они прошли в столовую.

VIII. Тучи рассеиваются

Так на светлый горизонт жизни молодых супругов надвинулось первое облачко, – облачко мрачное, готовое разрастись в грозовую тучу.

Доверие Конкордии Васильевны к мужу было окончательно подорвано.

В течение нескольких дней после описанной нами сцены она не раз спрашивала себя: будет ли она в состоянии все забыть?

Она совершенно отделилась от графа.

Владимир Петрович страдал, но из ложного самолюбия не делал попыток к сближению.

Эта настойчивость молодой женщины указывала впрочем, что у нее есть характер, и это нравилось графу.

Графиня страдала в свою очередь, приписывая нежелание мужа сделать первый шаг охлаждению его чувства к ней, желанию ее унижить, а она не прощала унижения.

Равнодушие графа оскорбляло ее более, нежели бы оскорбил взрыв негодования, взрыв даже грубый, но показавший бы, что граф чувствует отсутствие внимания и ласки, которыми окружала его еще несколько дней тому назад любимая и любящая жена.

Вежливо-холодное – графиня не замечала его деланность – обращение графа било ее сильнее бича.

Она решила совершенно отдалиться от мужа.

Это всегда случается с молодыми женщинами после наступившего разочарования.

Малейший шаг со стороны графа Владимира Петровича повел бы к примирению тем более что прошла уже неделя со дня происшествия, послужившего причиной размолвки, и жгучесть оскорбления, полученного Конкордией Васильевной, притупилась.

Надо кроме того заметить, что, обсуждая происшествие, молодая графиня невольно искала и находила не только смягчающие, но подчас даже оправдывающие обстоятельства для ее мужа.

Итак, ему надо было сделать только один шаг.

Он этого шага не делал.

Он не считал нужным дать хоть малейшее объяснение своему поступку, выразить хотя бы в шуточной форме раскаяние, хотя бы слегка извиниться, и то, что можно было поправить мигом, становилось все непоправимее и непоправимее, легкая царапина, от которой через два-три дня не осталось бы и следа, мало-помалу обратилась в зияющую рану, которая даже при излечении обещала на всю жизнь оставить глубокий шрам.

Мир был хуже и опаснее открытой войны.

Оба супруга стали постепенно привыкать к взаимной холодности, идя таким путем к взаимному равнодушию, и молодая женщина все более и более убеждалась, что муж не любил ее никогда.

Конкордия Васильевна любила своего мужа, если можно назвать любовью увлечение женихом, которого знают без году неделя и говорят «да» пред алтарем, принося клятву в вечной верности.

Но не заключаются ли так все светские браки: люди зачастую не знают друг друга, но бывают и нередки случаи, что настоящая любовь наступает после свадьбы.

Недаром брак сравнивают с лотереей. Попробуйте начать выбирать и приглядываться в этой массе билетов в колесе, вы, наверное, вынете билет с надписью: «аллегри», опущенная же небрежно рука вытаскивает часто первый выигрыш.

Графиня Конкордия, повторяем, любила своего мужа, если не настоящею любовью, то, по крайней мере, той сердечной привязанностью к человеку близкому, который резко не расходился с нарисованным ею еще в девичестве идеалом мужчины.

Одной из главных составных частей того идеала была: «мужчина любящий» – эта-то часть теперь, увы, отпадала, отпадала также и вторая часть идеала – «мужчина уважаемый», и молодая женщина с ужасом всматривалась в будущее, которое ей рисовало мрачную картину жизни с человеком, который не любит ее и которого она не может уважать.

Надо было придумать исход.

Таким исходом была разлука.

Графиня была слишком религиозна, чтобы думать о разводе, сопряженном, кроме того, со скандалом – она положила всецело на волю того, кто один в силах разорвать наложенные его именованные цепи, или сделать их менее тяжелыми.

Оставалась таким образом разлука.

Графиня решила переехать к своей тетке.

В начале второй недели со дня размолвки, Конкордия Васильевна высказала мужу это свое решение.

Граф Владимир Петрович саркастически улыбнулся и спокойно ответил:

– Если вы этим хотите доставить себе удовлетворение, то я не смею вас удерживать, но да позволено мне будет заметить, что последствия слишком серьезны для причины.

Конкордии Васильевне приходила самой эта мысль. Она не могла внутренне не сознавать, что оба они раздули ссору, но равнодушные, с которым встретил ее муж – предложенную ею разлуку, было маслом, подлитым в огонь, и утвердило молодую женщину окончательно в ее решении.

Она уже стала готовиться к отъезду, но случилось обстоятельство, которое разом изменило все планы молодой женщины.

В одно прекрасное утро, когда Конкордия Васильевна входила в столовую к завтраку, она вдруг почувствовала головокружение, почти дурноту и прислонилась к притолоке двери.

Сначала она недоумевала о причине, но вдруг на ее лице появилась счастливая улыбка: она поняла.

Графа в столовой еще не было.

Конкордия Васильевна, оправившись от приступа головокружения, прошла в его кабинет.

«Я не имею права быть безжалостной к отцу моего ребенка, – думала она».

Владимир Петрович встретил жену у дверей кабинета, так как тоже шел в столовую.

Это посещение удивило его.

Уже около месяца со дня рокового происшествия в ресторане Кюба, как графиня не переступала порога этой комнаты, которую очень любила ранее.

Он встретил ее удивленно-вопросительным взглядом.

Она поняла этот немой вопрос.

– Милостивый государь, – начала молодая женщина, – я пришла сказать, что обстоятельства изменили мое решение... Я не оставляю этого дома...

– Вы не могли принести мне более приятного известия... – с утонченно-вежливой полунасмешкой встретил граф это новое решение своей жены. – Чему, однако, я должен приписать это счастливое для меня изменение вашего решения?

Графиня выпрямилась и пристально посмотрела на него.

– Причина та, – медленно, отделяя каждое слово, заговорила она, – что если я теперь уйду от вас, то буду располагать будущностью, которая мне не принадлежит, я буду виновна перед ребенком, которого вы отец...

Граф Белавин вздрогнул.

Выступившая на его лице краска вдруг сменилась страшной бледностью.

Конкордия будет матерью!

Мать, – чудное слово, ореол честной женщины, подобно венцу украсит новым блеском обаятельную красоту молодой графини.

Его жена будет матерью.

Это известие заставило восторгнуться все доброе, что таилось в глубине души графа Владимира Петровича Белавина.

Быть отцом! – эти два слова наполнили его сердце радостным чувством.

Быть отцом – это гордость мужчины!

Пока человек не погряз совершенно в пучине порока, пока в его сердце хранится хотя одна необорванная нежная струна, никакое чувство не может быть для него выше и сильнее, как чувство родителя к рожденному.

Если в мире животном в этом случае действует инстинкт, то у человека он возвышается до душевного пафоса.

Бледный, взволнованный, с блестящими на глазах слезами граф робко протянул руки своей жене.

Конкордия Васильевна чутким сердцем женщины угадала происходившее в душе ее мужа и упала в его объятия.

– Кора, дорогая Кора, ты простила меня... Как я счастлив! – прошептал граф.

– Он примирил нас!.. – прошептала графиня и ее лицо покрылось ярким румянцем.

Супруги вышли к завтраку счастливые и довольные, как в былое время, до роковой ночи. Тучи рассеялись.

Граф Владимир Петрович круто изменил свой образ жизни. Он сделался еще до рождения своего ребенка – этого залога примирения с женой – хорошим, добрым отцом.

Домашний очаг получил для него вдруг небывалую притягательную прелесть. Видя ту нежную заботливость, то постоянное внимание, которыми он окружал свою жену, последняя, конечно, искренно простила ему происшествие, которое чуть было не разрушило их жизнь, восстановленную властью будущего живого существа, одинаково дорогого для обоих, дорогого еще прежде появления его на свет.

Так прошло около пяти месяцев, в которые граф был положительно примерным мужем.

Наконец настала минута, полная страха и надежды.

Графиня вела себя, что называется, «молодцом», и роды не только совершились благополучно, и от них не пострадала красота молодой женщины, но напротив – она сделалась еще прекраснее.

Граф находился безотлучно у ложа страдания и святой радости матери, к великому утешению молодой супруги.

Появившаяся у кровати колыбель, в которой копошилась новая жилища мира, тотчас же сделалась не только центром всего дома, но и центром новой жизни.

Новорожденной девочке дали имя Конкордия не столько в честь матери, сколько по внутреннему смыслу этого имени, означающем в переводе «согласие».

Но внесло ли это существо действительно согласие между супругами?

Так, по крайней мере, думала мать, настоявшая на этом имени.

Отца, увы, появление ребенка радовало только первые дни.

Рождение девочки обмануло надежды графа Белавина на наследника, продолжателя графского рода.

Это повергло его в уныние.

Он даже упустил из виду, что оба они с женой молоды, здоровы и сильны – рождение сына могло быть более чем вероятным в будущем.

Когда некоторые друзья, которым он поведал свое разочарование, намекали ему об этом, он только махал рукой.

Как будто он считал это невозможным.

Причина этому, однако, лежала глубже, нежели это казалось на первый взгляд.

Графиня Конкордия Васильевна несмотря, как мы уже сказали, на ставшую еще обаятельнее после родов красоту потеряла для него свойство женщины.

Вся отдававшаяся своему ребенку, проводившая у его колыбели дни и часть ночей, она, естественно, стала почти чужой для мужа, на которого эта написанная на лице молодой женщины постоянная забота о своей малютке действовала угнетающим образом. Он чувствовал, что отныне она не принадлежит ему всецело, он шел далее – он был уверен, что даже в то время, когда он держал ее в своих объятиях, она думала не о нем, а своей дочери.

Это убивало страсть.

Постоянно строго-озабоченное лицо молодой женщины, одетой в темные цвета, с улыбкой, появлявшейся лишь у колыбели ее малютки, естественно, не представляло объекта игривых мыслей, распалюющих желания поживших людей, к числу которых принадлежал граф Владимир Петрович.

Две-три неудачные попытки в этом смысле окончательно отдалили его от жены физически.

По свойственному всем подобным ему людям эгоизму, он обвинял всех, кроме себя: жену и даже малютку-дочь, отнявшую у него первую.

Графиня, увлеченная своими материнскими чувствами, не замечала этого.

Она простила своему мужу, чего же было ему надо еще?

Она подарила его прелестною дочерью – как может он быть теперь чем-нибудь недоволен?

Прелесть взаимного обладания для нее не была вполне известна, она оценила только его результат, лежавший в колыбели.

Она считала это главным.

Она не знала мужчин.

Азбучная мораль, что она должна быть доброй женой и матерью, исполнялась ею, по ее мнению, безупречно; к тому же молодой женщине казалось, что обязанности матери выше обязанностей жены.

Она отдалась им всецело.

О святая тирания колыбели! Дивное могущество слабости, которое привлекает сердце матери!

Конкордия Васильевна сосредоточила всю свою жизнь около крохотного существа, которое только что начинало свою жизнь.

Как чудно хороши и как порой деспотически жестоки эти первые месяцы, когда дитя освобождается постепенно от продолжающейся еще некоторое время бессознательной утробной жизни: первая улыбка – признак возникающего сознания, беспричинный часто плач, как ножом режущий сердце матери, капризы и даже гнев существа, о котором еще не решен вопрос, принадлежит ли оно земле или небу, – все это заставляет трепетать за начинающую нить жизни, которую способно оборвать легкое веяние зефира.

Маленькая Кора перенесла все невзгоды младенчества благополучно.

Период прорезывания зубов самый опасный, заставляющий матерей ежеминутно трепетать за жизнь дорогого существа, прошел тихо и незаметно. В начале второго года Кора начала ходить и лепетать.

Это самый забавный период детской жизни для родителей, первые слова «мама» и «папа» чудной гармонией проникают все существо отца и матери.

С каждым днем ребенок дает окружающим новую пищу для радости и восторга – фантазии начинающего жизнь дитяти неисчислимы.

Графиня Белавина плавала в волнах материнского восторга.

Она непрестанно ласкала и покрывала поцелуями это маленькое розовое тельце, издававшее тот чудный аромат, который присущ только одним детям и который можно найти в пухе птенцов. С неземным упоением слушала молодая мать звонкий смех ребенка, рассыпавшийся, подобно жемчужному каскаду, дивными серебристыми нотами.

IX. Случай

Первое время граф Владимир Петрович сам принимал участие в радостях своей жены при наблюдении за началом сознательной жизни их дочери, и если бы кто спросил его, доволен ли он своей судьбой, граф совершенно искренно ответил бы, что никогда не испытывал более полного счастья.

Увы, это было только в первое время.

Тихие радости семейной жизни показались ему вскоре чересчур однообразными.

Ежедневно возвращаясь к себе, он был уверен, что найдет молодую графиню созерцающей свою дочь.

То, что радовало бы другого мужа, как доказательство любви к их ребенку со стороны матери, пожертвовавшей ему всеми удовольствиями и развлечениями светской жизни, производило на молодого графа совершенно иное впечатление.

Эта привязанность Конкордии Васильевны к маленькой Коре бесила его.

Он находил, что его жена очень изменилась к нему, что между им и ей встал этот появившийся на свет ребенок, отнявший у него сердце молодой женщины.

Молодая мать по целым часам играла и возилась со своей ненаглядной девочкой, увлекалась сама придумыванием для нее забав, становясь тоже ребенком, что, впрочем, и немудрено на девятнадцатом году.

Графу становилось это смешным.

За подобным смехом всегда следует скука.

Владимир Петрович захандрил.

Первые радости быть отцом показались ему очень глупыми, а сама семейная жизнь настолько томительно-однообразной, невольно наводящей на мысль, что ее не следовало бы и начинать.

Такое настроение все усиливалось и усиливалось.

Наступил, наконец, день, когда граф нашел свою жизнь невыносимой.

Придя к этому выводу, молодой муж находился уже на краю пропасти, но, однако, удерживался от падения.

Более года прошло со дня свадьбы, и кроме роковой ночи у Кюба на совести графа Белавина не было ни одного упрека. Его бывшие товарищи по кутежам стали относиться с уважением к происшедшей в нем перемене, хотя сначала с легкой усмешкой говорили о графе Владимире, как о верном муже и любящем отце.

Среди веселящегося Петербурга стали даже забывать о нем.

Но «грех да беда на кого не живет», – говорит русская пословица.

Случай, этот современный дьявол, подстерегал свою жертву, воспользовавшись рассказанным нами настроением молодого мужа и отца.

Со дня рождения дочери граф Владимир Петрович проводил все свои вечера дома. Он боялся посещения театра, за которым, обыкновенно, следует ресторан, снова завязать связи с тем светским и полусветским кругом, который, он знал, затягивает человека, как тина.

Он избегал его упорно, точно руководимый каким-то роковым предчувствием.

Это предчувствие сбылось.

Он снова попал в круговорот этой жизни.

Но как же это случилось?

Как? Очень просто, очень естественно.

Однажды на дворе стоял чудный зимний день, яркий и солнечный, какими редко дарит природа Северную Пальмиру.

Был пятый час дня. Невский и Большая Морская кишели народом – это был урочный час прогулки праздных петербуржцев. Расфранченная толпа змеей извивалась по широким панелям, глаза друг на друга и на экипажи, медленно катящиеся от Морской и набережной и по направлению к ним.

Петербург не жил, а прямо клокотал полной жизнью.

Граф Владимир Петрович возвращался домой к обеду после нескольких деловых посещений.

Освещенная солнцем толпа увлекла его и потянула к себе.

Вышедши из саней, он приказал кучеру ехать домой, сказав ему, что пройдет пешком. Это было на углу Большой Морской и Гороховой.

Граф смешался с толпой и не успел сделать нескольких шагов, как был остановлен возгласом:

– Белавин, ты? Вот судьба... Я только что думал о тебе... и сегодня же решил разыскать тебя...

Перед графом Владимиром Петровичем вырос, как из земли, его старый товарищ по школьной скамье, с которым он не виделся около десяти лет, – князь Георгий Сергеевич Адуев, или попросту князь Жорж.

Богатый помещик одной из приволжских губерний, он посвятил себя чуть ли не с первого года окончания университетского курса хозяйству и земской деятельности, раз в несколько лет наезжая в Петербург рассеяться и повеселиться.

Граф Белавин при настроении духа искренно обрадовался встрече со старым другом.

– Давно ли, дружище, приехал?

– Говорю, только сегодня утром ввалился... и первая мысль была о тебе.

– Мерси!.. Ты все такой же веселый, неунывающий, Жорж!

– А разве ты изменился?..

– Я женат...

– Вот как, поздравляю... Но сегодня у меня тебя не отнимет не только одна жена, а даже несколько... – захохотал Адуев. – Я тебя арестую... Мы обедаем вместе.

– Но...

– Никаких но...

– Поедем ко мне...

– Нет, брат, на сегодня уволь... У меня в моей благословенной провинции достаточно семейных очагов... Прости меня, но это все слишком пресно для нашего брата провинциала... Я не премину сделать визит твоей супруге, о которой ты, конечно, расскажешь мне за бутылкой доброго вина...

Граф Владимир Петрович улыбнулся и не стал возражать.

Он внутренне соглашался, что домашний очаг действительно «пресен» даже и не для провинциала.

Так, впрочем, обыкновенно кончаются такие приглашения.

Трудно отказать другу, которого встречаешь через несколько лет разлуки, пожертвовать ему день, вечер. Быть может он не будет иметь более этого случая.

– В таком случае я уведомяю жену запискою... – заметил граф Белавин.

– Что дело, то дело...

Приятель дошел до угла Невского и Морской. Граф вынул записную книжку и на клочке бумаги написал графине несколько слов. Вручив эту сложенную лишь вдвое полуоткрытую записку посыльному, он приказал ему отнести по написанному на ней адресу, не сообразив или же прямо не думая, что такая бестактность может оскорбить молодую женщину.

Адуев и Белавин пошли обратно.

– К Кюба?.. – спросил первый.

– Нет, лучше к Контану...

– Поедем...

– Пройдемся пешком... Погода восхитительная...

Приятель прошёл по Морской и повернул по Гороховой.

Дьявол-случай раскидывал свои сети искусно.

Первое лицо, встреченное ими в швейцарском ресторане Контан, была балетная Маруся; один из швейцаров надевал ей теплые ботинки, другой держал великолепную ротонду из голубых песцов.

– Вот бабенка... восторг... – шепнул Адуев Белавину при виде этой картины.

– Я могу тебя представить, я знаком...

– Белавин, схимник, анахорет... pater-familias... – с хохотом в этот самый момент обратилась к графу Владимиру молодая женщина. – Какая судьба занесла вас в это место греха и соблазна?

– Вот моя судьба... – указал Белавин на своего друга. – Позвольте представить, князь Адуев...

Он назвал фамилию известной танцовщицы.

Молодая женщина с приветливой улыбкой протянула руку князю.

Тот положительно обомлел от восторга.

– Вы одни? – обратился к ней князь.

– Вообразите, моя старая развалина назначил мне здесь свидание, а затем просит извинения... У него заболела супруга... Каково! Поплатится мне он...

– Дай Бог здоровья его супруге... И да погибнет он сам... И вы уезжаете?

– Как видите.

– А разве мы не можем вдвоем заменить одну развалину?

– Это зависит...

– От вас.

Маруся не заставила себя долго уговаривать, и вскоре один из уютных кабинетов этого лучшего ресторана Петербурга огласился ее серебристым смехом.

Вкусный обед, политый обильно вином, прошел оживленно, хотя граф Белавин ощутил неприятное чувство. Приехавший с волжских палестин, князь Адуев оказался более в курсе светской и полусветской жизни Петербурга, нежели он – истый петербуржец.

Маруся несколько раз поднимала его за это даже на смех.

– Да что ты, с луны что ли свалился... – со смехом говорила она.

Они возобновили старинный брудершафт.

– Неужели это женитьба сделала меня таким смешным, отсталым от жизни... – думал граф. – Нет, слуга покорный, я хочу жить... При моих средствах...

Он забывал, что это средства его жены.

Маруся лукаво поглядывала на него.

Чутьем падших женщин она угадывала, что граф решил исправиться в желательном для нее смысле.

Князь Адуев окончательно разошелся.

В то время, когда пили кофе и ликеры, а мужчины дымили дорогими «регалиями», у подъезда Контана уже позвякивали бубенчики лихой тройки, за которой было послано князем.

Все трое поехали на острова.

Вечер и часть ночи пролетели незаметно в развеселых кабачках, под звуки цыганских и интернациональных хоров.

Князь Адуев, чересчур налегший на ликеры, окончательно осовел и был сдан с рук на руки швейцару «Европейской» гостиницы, где остановился.

Граф Белавин очутился в будуаре очаровательной Маруси.

Исправление началось.

В то время, когда графа Владимира Петровича потянуло с какой-то неестественной силой в освещенную солнцем нарядную толпу, где его ожидала роковая встреча, графиня Конкордия Васильевна сидела у колыбели своей спящей сном невинности дочери, любуясь ею и мечтая о будущем безоблачном счастье.

Теперь, когда маленькая Кора уже ходила и лепетала, когда ее щечки и губки делались все розовее и розовее, молодая мать, успокоенная за будущее своего ребенка, могла подумать и о своем личном счастье.

Ее молодые силы расцвели и развились параллельно с расцветом детских сил ее дочери. Рождение ребенка сделало ее женщиной.

Она одинаково чувствовала себя способной к настоящей любви и к мужу, и к ребенку.

Жгучее чувство оскорбления, нанесенного ей в роковую ночь у Куба, не только притупилось, но почти сгладилось, и образ мужа восставал перед ней, окруженный ореолом неведомой ей до сего прелести.

Счастливая мать, она хотела быть счастливой женой.

Она рисовала в своем воображении упоительные картины.

Она видела себя обнимающей своего мужа этими самыми руками, которые он когда-то любил осыпать поцелуями и которыми она так долго не прикасалась к нему.

Он выдерживал ее холодность слишком долго, чтобы она не простила его совершенно.

Ей приходила даже мысль, что она была к нему чересчур строга, что она наказала его несоразмерно вине.

Конкордия Васильевна вступила в этот фазис развития женщины, когда срываемые с нее цветы любви обладают настоящим ароматом.

Она чувствовала это и каждый день готовилась поделиться с мужем этим открытием.

Она заранее предвкушала наслаждение жизнью женщины в полном смысле этого слова, которую до этого времени не знала.

Сегодня решила она одарить мужа теми упоительными ласками, родник которых внезапно открылся и забил горячим ключом из ее сердца.

Эти чистые девственно-сладострастные мечты порой, впрочем, подобно волнам морского прибоя, разбивались о камни возникавшего в ней сомнения.

Как встретит ее муж эти ласки?

Не сочтет ли он их навязчивостью, результатом раскаяния в несправедливой обиде?

Все это говорила в ней ее врожденная гордость.

Но она гнала эти мысли, как гонит теплый ветерок набегающие на светлый горизонт маленькие тучки.

За несколько минут до шести часов, когда обеденный стол блестел серебром и хрусталем, красиво выделявшемся на белоснежной скатерти, и Конкордия Васильевна уже собралась идти в столовую, горничная подала ей на подносе листок бумаги, сложенный вдвое.

На этом листке были небрежно написаны следующие строки:

«Милая Кора. Не жди меня сегодня обедать, я встретил князя Адуева, моего старого друга, который почти силой увлек меня обедать с ним.

Владимир.»

Быть может, в другое время Конкордия Васильевна и не обратила бы внимания на неделikatность мужа, приславшего ей уведомление на клочке бумаги, едва сложенной, но предшествовавшее получению этой записки настроение молодой женщины, именно этой запиской разрушенное, взволновало ее более, чем следовало.

Она сочла такую присылку прямо оскорблением, доказательством неуважения к себе.

Щеки ее покрылись ярким румянцем.

– Разве не было конверта? – спросила она горничную.

– Никак нет, ваше сиятельство.

– Кто же принес эту бумажку?..

– Посыльный...

– Хорошо, ступайте... Барин не будет обедать дома...

Горничная вышла.

Конкордия Васильевна, одолев внутреннее волнение, молча прошла в столовую.

Х. Роковой взгляд

– Граф не будет сегодня обедать! – строго заметила графиня лакею и глазами указала на прибор Владимира Петровича.

Лакей принял прибор.

Молодая женщина села одна за стол.

– Скажите няне, чтобы она принесла сюда мою дочь и ее маленький стульчик. Я хочу, чтобы она была подле меня.

Конкордия Васильевна, почти спокойная по наружности, переживала страшные внутренние волнения.

Мысль об этом клочке бумаги, на котором рукой мужа написаны были небрежные строки, не давала ей покоя и она сама растревляла свое самолюбие, уверяя себя, что это прямо доказывает неуважение к ней графа, совершенное равнодушие.

«Он посылает мне открытую записку с посылным, точно своей прислуге... – мысленно негодовала она».

«И в то самое время, когда я решила вернуть ему окончательно мое расположение, когда я нашла в своем сердце силу простить ему нанесенное мне оскорбление... Он наносит мне новое... Хорошо же... На его равнодушие и я отвечу тоже равнодушием...»

Нянька между тем принесла маленькую Кору и усадила ее за стол на высоком стульчике.

Присутствие дочери несколько отвлекло графиню от мрачных мыслей, но не возвратило аппетита.

Она едва притрагивалась к подаваемым кушаньям.

Наконец обед кончился.

Конкордия Васильевна взяла на руки свою дочь и понесла ее к себе в спальню.

Она объявила крайне удивленной няне, что с этого дня Кора будет спать вместе с ней, а потому и велела перенести кроватку дочери в свою спальню.

– Вы останетесь в детской и по утрам будете приходиться одевать ее. – Ночью же я присмотрю за ней сама... Я сплю чутко...

Это было со стороны графини мщение ее мужу за нежность, которую она почувствовала к нему, и за уступку, которую она сделала ему в прошлом, уступку, равносильную неисполнению своих обязанностей.

Оберегая красоту своей жены, граф настоял на том, чтобы она сама не кормила ребенка, а взяла кормилицу.

Таким образом, мраморная шея и грудь графини сохранили свою скульптурную гибкость, но вместе с этим молодая женщина лишалась величайшего наслаждения, дав жизнь своей дочери, питать ее своим молоком, частью самой себя.

Она отказалась от этого для него! Чем же отплатил он ей за это? Неуважением! Равнодушием!

Именно теперь только она поняла, что принесла ему в жертву, и почувствовала угрызения совести.

Ей казалось, что Кора не принадлежит ей с той минуты, как другая, чужая женщина заменила ее у колыбели ее дочери. Теперь уже девочка отнята от груди, но бывшая кормилица, оставшаяся в няньках, продолжает проводить с ней часть дня и все ночи.

Графиня решила принять участие в заботах о ребенке, участие более активное, нежели до сих пор, и этим объясняется сделанное ею распоряжение.

Когда граф Владимир Петрович возвратился под утро, то был крайне удивлен, найдя свою жену преспокойно спящую.

Он ожидал бури и нашел тишину.

Присутствие кровати Кору у постели молодой женщины яснее слов сказало ему, что графиня бесповоротно решила отдалиться от него.

Граф побледнел.

Он понял, что именно сегодня он это заслужил.

Он был глубоко, тяжело виноват перед этими двумя невинными существами.

Он дуновением своих уст, оскверненных греховными поцелуями, тушил тихий, ровный пламень домашнего очага.

В то время когда Конкордия Васильевна испытывала первое жизненное горе, вдали от нее, при одном воспоминании об ее восхитительном образе, трепетно билось сердце человека, которого она не знала, быть может, никогда не видала или не замечала, но который между тем жил лишь воспоминанием о ней.

Этот человек был Федор Дмитриевич Караулов.

Окончив одним из первых курсов медико-хирургической академии, он пожелал уехать из Петербурга, чтобы в провинциальном уединении готовиться к докторскому экзамену, и принял место врача в одном из кавалерийских полков, расположенных под Киевом.

Штаб-квартира полка была в одном из обширных сел, поблизости станции железной дороги.

Работа по службе была несложна, но вскоре молодой доктор с отзывчивой душой и с искренним желанием работать нашел себе практику среди крестьян, с большим доверием, спустя короткое время, начавшим относиться к «военному дохтуру», нежели к изредка посещавшему врачебный пункт, находившийся в селе, земскому врачу.

Это было, впрочем, и немудрено.

Земский врач Отто Карлович Гуль из остзейских немцев, посещая врачебный пункт, оставлял в приемном покое фельдшера Финогеныча, всегда бывшего под хмельком, а сам отправлялся к одному из соседних помещиков, где бражничал и играл в карты все то время, которое по службе обязан был проводить на врачебном пункте.

Финогеныч от всех болезней наружных лечил свинцовой примочкой, а от внутренних – касторовым маслом, был груб и алчен и понятно не мог внушать крестьянам веры в медицинскую науку, которой был представителем в их глазах.

Ласковый и обходительный Федор Дмитриевич, не только удачно излечивший некоторых болящих крестьян, которых по годам мазал Финогеныч, но и входивший в нужды населения, вскоре сделался добрым гением села, особенно женской его половины.

«Душа-барин», «желанный», «касатик» – вот прозвища, которые стали сопровождать военного доктора при довольно частой визитации его по избам.

Федор Дмитриевич Караулов соединял в данном случае приносимую им населению пользу со своей научной работой.

Он в то же время готовил докторскую диссертацию на тему: «Народные врачебные средства с точки зрения медицинской науки», пролившую впоследствии яркий свет на народную медицину.

Для местных крестьян, да и вообще для всех, кто обращался к нему за помощью, он не только был врачом тела, но и целителем души.

Чем больше он изучал материю, составляющую человеческий организм, тем более он начинал понимать нравственную душевную сторону человека. В нем развилась необычайная наблюдательность, и он почти каким-то чутьем угадывал даже тщательно скрываемые горе и несчастье ближнего.

Науке своей он был предан беззаветно и высоко ставил призвание врача как друга человечества.

Несмотря на относительную бедность, он не был корыстолюбивым, никому никогда не завидовал и шел твердо и неустанно к намеченной цели, глубоко и сильно уверенный, что вместе с честным служением науке приложатся ему и довольство, и обеспеченность.

Он и не ошибался.

Честные труженики никогда не пропадают на Руси, и люди, слоняющиеся без места и жалующиеся на судьбу и отсутствие протекции, в большинстве случаев тунеядцы, с грандиозным аппетитом к жизненному комфорту и не менее грандиозной ленью, или же предающиеся какой-либо предосудительной слабости: пьяницы, игроки и т. п.

«Труд-гений», сказал известный английский мыслитель, и если не всегда путем труда создаются гениальные люди, то все же нельзя не признать труд «добрым гением» честного человека.

Офицеры полка любили также своего доктора, хотя он не участвовал в их попойках и даже в большинстве случаев сторонился их компании.

Они приписывали это научным занятиям, так как знали, что доктор Караулов временно занял место полкового врача и готовится к докторскому экзамену.

Причиной мизантропий доктора было, однако, далеко не это обстоятельство.

Он любил, любил безнадежно и упорно растревлять уединением свою сердечную рану, не желая умышленно ее залечить.

Как ни может это показаться странным, но этот серьезный человек, весь преданный науке, любил молодую девушку, с которой не сказал ни одного слова и с которой даже не был знаком.

Это случилось, когда он был на предпоследнем курсе академии, во время рождественских каникул.

Он жил близ академии, занимая комнату в одном из домов Нижегородской улицы, рядом с домом купчихи Зуевой.

Однажды, вышедши из дому утром, он пробирался в академию, чтобы заняться в химической лаборатории интересовавшей его работой.

У ворот дома Зуевой он принужден был остановиться, так как со двора выехала карета, одно из стекол которой было спущено, и из нее глядела восхитительная брюнетка, с лучистыми голубыми глазами, рядом же с ней сидела почтенная дама.

Хорошенькая незнакомка, по-видимому девочка-подросток, остановила, быть может, невзначай, свой взгляд на Караулове, и ее глаза встретились с его глазами.

Карета проехала, а Федор Дмитриевич продолжал стоять, как вкопанный.

Голова его кружилась, из нее вылетели результаты последних химических вычислений, о которых он думал, спеша в лабораторию для окончания начатых работ.

Два чудных лучистых глаза, прелестный овал лица, обрамленный черными как смоль волосами, изящный носик, розовые губки, все это продолжало стоять перед его духовным взором.

С тех пор он не мог забыть этого взгляда и этого лица.

Однако он опомнился и отправился в лабораторию, но в этот день работа у него не клеилась и он во избежание порчи работы ушел из лаборатории раньше назначенного им самим себе времени.

Целый день он провел в каком-то тумане и даже несколько раз выходил из дома и довольно долго прогуливался около дома Зуевой, искоса поглядывая на окна, но очаровательной незнакомки не видал.

Он самого себя стыдил в этом ребячестве, но остальные дни какая-то непреодолимая сила тянула его к заветному особняку.

Несколько раз он видел обворожившую его девушку, но она ни разу даже не посмотрела в его сторону, но одна минута созерцания милой девушки уже доставляла ему необычайное наслаждение.

Рождественские каникулы окончились, и чудное видение исчезло с Нижегородской улицы.

Случай помог ему узнать имя, отчество и фамилию прелестной незнакомки.

Ему сообщила их его квартирная хозяйка, знаменитая между студентами-медиками, Антиповна.

Это была старуха лет шестидесяти, в течение тридцати лет жившая на Нижегородской улице и отдававшая комнаты «с мебелью, под студентов», как она сама объясняла свою профессию.

Все петербургские врачи знали и помнили Антиповну и много «светил медицинского мира» были ее жильцами.

Старушка отличалась крепким здоровьем и не могла запомнить, чтобы она когда-либо хворала.

– Докторами-то у меня, матушка, знакомыми хоть пруд пруди, может от этого... Лечись – не хочу, вот хворь-то и боится ко мне приступить... – своеобразно объяснила она знакомым свое постоянное здоровье.

Всех живущих по соседству Антиповна знала вдоль и поперек и могла рассказать о них всю подноготную.

Дня через два после первой встречи Караулова с поразившей так неожиданно его сердце девушкой, Антиповна, подавая самовар, видимо, под впечатлением только что виденного, заметила:

– И красавица же выросла племянница Зуихи; сейчас, в булочную как бегала, видела, в карете она куда-то с теткой покатила...

Обыкновенно, Федор Дмитриевич избегал расспрашивать словоохотливую старуху, которая готова была говорить по целым часам, и при малейшем поощрении ее было даже трудно остановить, но на этот раз сердце подсказало ему, что Антиповна говорила именно об интересующей его девушке.

– Какая племянница, какой Зуихи? – деланно небрежным тоном спросил он.

– А рядом с нашим-то дом богачихи-купчихи... Ольги Ивановны Зуевой... миллионерша...

Последнее слово Антиповна выговорила почти молитвенно.

Караулов молча ожидал продолжения.

– Так у ней племянница, Конкордия Васильевна Батищева, в павловский институт на выучку отдана, на праздник, видно, к тетке погостить приехала сейчас, говорю, встретила, красоты неописанной.

Сердце Федора Дмитриевича окончательно упало.

– Это она! – мелькнуло в его уме.

– Тоже богачиха страсть, одна у тетки племянница, больше и родных у старухи нет, да у самой девушки-то, сказывают, капитал в два миллиона... Ишь прорва денег-то, прости Господи, не выговоришь...

– Да, большое богатство... – заметил Караулов.

– И какое еще большое богатство, Федор Дмитриевич, большущее. Ну и сбудется, кажись, старухина-то затея... С деньгами чего нельзя... Все можно...

– Какая затея? – спросил Федор Дмитриевич.

– Чуть не принцу заморскому племянницу-то свою готовит. За князя или графа, а не за иного прочего отдам, говорит... И отдаст... Попомните мое слово, отдаст... Ничего, что из купеческого рода... В лучшем виде в графини или княгини выйдет, потому что ныне кня-

зьям-то да графам, почитай, многим есть нечего... А тут деньжищ, ишь, уйма какая... Не пересчитать иному князю или графу.

Федор Дмитриевич Караулов сидел в глубокой задумчивости.

Эти слова старухи Антиповны, продолжавшей еще словами сыпать как орехами, отнимали у него последнюю надежду, открывали между ним и любимой девушкой целую пропасть.

Ему нечего было и искать знакомства, так как красавица-миллионерша и он – бедный студент – два полюса.

– В этом году учење кончает... – продолжала между тем тараторить Антиповна. – Поживем увидим, какой такой заморский принц выищется... Налетят, чай, на деньги-то, как коршуны на падаль, и, попомните мое слово, протрет будущий муженек глаза денежкам и отцовским, и теткинским... На это их взять, сиятельных...

Такая враждебность «к титулованным» в Антиповне имела свои причины: единственный жилец, который прожил у нее довольно долго и уехал, не заплатив значительную, по крайней мере для нее, сумму, был какой-то захудалый князь.

Наконец старуха была позвана кем-то из постояльцев и вышла из комнаты Караулова.

XI. Письмо

Умом, рассудком Федор Дмитриевич хорошо понимал все безумие своего увлечения, а между тем сердце его не подчинялось рассуждениям и продолжало трепетно биться, а чудный образ виденной им девушки неотступно стоял перед его глазами.

Он чувствовал, что он любит эту девушку всеми силами своей души, негодовал на себя за это, но... продолжал любить.

Он видел ее еще несколько раз в мае месяце.

Словоохотливая хозяйка сообщила ему, что племянница Зуихи окончила учебу и что они с тетужкой собираются в заграничные земли.

– Видно за заморским принцем тащутся... – Поживем, увидим... – прибавила старуха.

Сообщила она своему жильцу своевременно и об их отъезде.

– Укатили сегодня наши... Поминай как звали.

Федор Дмитриевич сам скоро уехал в деревню к матери.

Это было именно в то роковое для него лето, когда дорогая для него старушка умерла на его руках.

По возвращении в Петербург ему предстоял другой тяжелый удар.

Читатель не забыл, что при посещении им своего друга графа Белавина он узнал, что заморским принцем для Конкордии Васильевны Батищевой явился не кто иной, как именно граф Владимир Петрович.

Чутьем любящего сердца угадал он, что боготворимая им девушка не может быть счастлива с этим себялюбивым, испорченным человеком.

«И это он... он на ней женится...» – глухим рыданием вырвалось у него из груди по выходе из квартиры графа.

Федор Дмитриевич решил не встречаться со своим другом, пока не излечится от своего чувства к его жене.

Ему казалось ужаснее забыть, нежели страдать.

Таков закон истинной любви.

Караулов стал усиленно работать, надеясь в труде найти забвение и, действительно, находил его.

Лишь часы отдыха, вместо покоя, приносили ему одни страдания.

Перед отъездом из Петербурга он оставил графу Белавину письмо, в котором в вежливых выражениях поздравлял его с законным браком и уведомлял о своем отъезде из Петербурга, причем сообщил и свой адрес.

Он долго не получал ответа и уже решил, что дружба между ним и графом Владимиром Петровичем окончательно порвалась.

Горькое чувство появилось в его сердце.

Он жил под гнетом двух величайших страданий – безнадежной любви и разрушенной дружбы.

Прошло два года.

В один прекрасный день Федору Дмитриевичу подали письмо, на конверте которого адрес был написан рукой графа Белавина.

Караулов быстро разорвал конверт и стал читать послание своего старого, почти забытого друга.

Он хорошо сознавал, что в этом письме Владимир Петрович непременно будет говорить о своей жене, своей семейной жизни и этим до невыносимой боли будет беречь его сердечную рану, но бывают состояния души, когда подобное самоистязание составляет своего рода наслаждение.

По мере того, как Федор Дмитриевич читал письмо графа, он делался все бледнее и бледнее.

Он ожидал от этого послания всего, но не того только, что оно в себе заключало.

Письмо было на восьми страницах; это была почти исповедь, написанная человеком, разочарованным в любви, несчастным в супружестве. Оно было полно сожаления о прошедшем.

«Несчастный устал от счастья и принимается за старое!» – воскликнул с горькой усмешкой Федор Дмитриевич, окончив чтение и бросив письмо на письменный стол.

Одно место этого письма-исповеди поразило его. Он даже вторично взял письмо и прочел его.

Граф Белавин писал.

«О, мой друг, какое гнусное соединение правды и лжи во всех этих рассказах о прелести и счастье брачного союза. Не женись никогда, оставайся старым холостяком! Верь мне, что только свободные люди счастливы. Женщина – это низкое, презренное существо. Прав, тысячу раз прав какой-то современный мудрец, сказавший, что женщина хороша только как забава, как необходимый атрибут комфорта. Чем менее она добродетельна, тем лучше. Добродетель уничтожает всю пикантную прелесть женщины. Увы, я пришел к этому грустному выводу после двухлетнего общения с воплощенной добродетелью – с моей женой. Меня упрекнули в чудовищности подобной жалобы. Ваша жена прелестна! – скажут мне. Черт возьми! – Я это знаю. Я иду далее: я женат на женщине, обладающей всеми классическими достоинствами: она молода, красива, любит домашний очаг, покорна, мягкосердечна, великодушна, все что хочешь, словом, это, ангел. К несчастью, этот ангел не годится для компании с неисправимым грешником, подобным мне, который имел во всю свою жизнь столько сношений с демонами. Я ей не пара; в мои двадцать восемь лет я моложе моей девятнадцатилетней жены. Семейный очаг! Да сохрани тебя Аллах от этого очага, мой милый Караулов!»

По мере того, как Федор Дмитриевич перечитывал эти строки, его сердце наполнялось желчью.

Человек, писавший это, был его друг.

Какое страшное разочарование!

Это чудовище он называет своим другом.

Кем, как не чудовищем, мог представиться ему этот человек, имевший счастье идти по жизненному пути рука об руку с прелестным существом, один бегло брошенный взгляд которого наполняет до сих пор все существование его, Караулова.

Он был законным властелином этого сокровища, а между тем имеет дерзость уверять, что он неудовлетворен этим обладанием, что он готов отказаться от него, чтобы вернуться к прежней жизни грубых наслаждений.

Где же справедливость в этом свете? Каким именем можно назвать такое распределение испытаний и наград?

Эта молодая женщина – красивая и добродетельная, а муж уже готовится покинуть ее, если не покинул.

Он, Караулов, боготворил бы ее, он воздвиг бы ей в своем сердце вечный алтарь, на котором горел бы неугасимый священный огонь любви и обожания, он исполнял бы все ее малейшие желания, все прихоти. Он провел бы около нее всю жизнь, труд показался бы ему легким и приятным, так как он трудился бы для любимой женщины, уважение и любовь которой были бы для него высшими наградами. А этот «светский шалопай» – как мысленно назвал графа Белавина раздраженный Федор Дмитриевич – сорвав этот чудный цветок, повертев его в своих нравственно грязных руках, швыряет на дорогу.

Разве он действительно не чудовище?

С отвращением и злобой думал Караулов об этом друге своей юности.

Но это злобное настроение продолжалось недолго.

Федор Дмитриевич поймал себя сам в лицепрятии.

Он почувствовал, что не может быть судьей графа Белавина. От судьбы требуется, прежде всего, объективное отношение к делу, между тем как он, Караулов, был рабом своего сердца.

Он понял, что в словах осуждения, произнесенного им над его другом, заключается большая доза эгоизма, и мысли его с графа Владимира перенесли на графиню Конкордию.

Будущность молодой женщины, которую он любил, представилась ему в мрачных красках.

В начале жизни, чуть ли не на другой день союза, который обещал все радости осуществления девической мечты, несчастная графиня Конкордия встретила разочарование и горе.

Вместо счастья, на которое она надеялась и имела право, она получила лишь горечь обманутой надежды, подобно узнику, пробудившемуся после чудного сна и находящему вокруг себя серые стены своей тюрьмы и решетчатые окна, в которые светит солнце, солнце свободных.

Несчастливая женщина – это нежное, чувствительное создание, – обреченная идти по жестокой тернистой дороге, с которой цветы, виденные ею через ограду будущего, кажутся жестокой насмешкой.

Она – богатая женщина – дойдет до того, что будет завидовать радости и взаимной любви бедняков, ни того, ни другого она не купит ни за какие деньги.

И кто знает, быть может молодая женщина под впечатлением ранних разочарований, которые, подобно утреннику, погубят нежный цветок в сердце, пойдет по пути безнравственности и порока.

О, нет! Это он даже не мог допустить.

Это было так ужасно, что от одной появившейся об этом мысли холодный пот выступил на лбу Федора Дмитриевича.

Он даже закрыл глаза, чтобы, как ему казалось, скорее отогнать эту мысль и действительно отогнал, негодуя на себя за ее появление.

Как он мог допустить ее относительно безумно любимой им женщины?

Она была жена другого, жена недостойного человека – первое терзало его сердце, второе усугубляло его страдания и муки находили отклик в его чуткой, любящей душе.

Но предполагать, что она не выдержит испытания, что она пойдет по избитой жизненной дороге обманувшихся в выборе мужа жен, по дороге постепенного нравственного падения – это и он не мог, это было выше его сил.

Любовь Караулова к Конкордии Васильевне была тем же чувством, которое питала Бианка Кастильская к Людовику Святому.

«Мой сын, я лучше хочу тебя видеть мертвым, нежели опозоренным».

Федор Дмитриевич тоже желал видеть графиню Конкордию соединенную неразрывными узами с недостойным мужем, но чистую, безупречную.

Он не мог представить себе кумира его души, объятым даже легким облаком подозрения.

Он не в силах был перечитывать письма Белавина.

Оно приводило его в бешенство, но это именно и делало то, что он, держа его в руках, нет-нет, да останавливал на нем свой взгляд.

Вдруг этот взгляд упал на постскрипtum, до которого при первом чтении, взбешенный и раздраженный, он не дошел.

В нем граф писал:

«Кстати, я забыл тебе сказать, что я второй год как отец маленькой дочери... Быть может, это тебе будет интересно, как идеалисту и охранителю святости домашнего очага».

«Малютка-дочь... И об этом светский хлыщ пишет в постскриптуме!» – воскликнул вне себя Федор Дмитриевич.

Ребенок – этот связующий крепчайший цемент брака, видимо, безразличен для этого бездушного человека.

Он упоминает об этом вскользь, как о чем-то второстепенном.

Сердце Караулова облилось кровью.

Это был самый сильный, самый страшный удар, и граф Белавин приберег его, точно с расчетом, к концу.

Если бы граф Владимир Петрович знал, что его друг хранит в тайнике своего сердца любовь к его жене, то он не мог бы придумать более меткого удара, чтобы поразить его в это сердце.

Федор Дмитриевич скомкал письмо и бросил его в корзину, стоявшую под письменным столом, за которым он сидел, а сам, обхватив свою голову обеими руками, облокотился на стол и как бы замер.

Лишь через несколько минут он встал, встряхнул своими волосами, как бы желая отбросить какую-то мысль, и стал нервными шагами ходить по комнате.

Это продолжалось с четверть часа, быть может продолжалось бы и больше, если бы обязанности врача не вывели его из нервного оцепенения и не возвратили к действительной жизни.

В дверях комнаты, служившей кабинетом Караулову – Федор Дмитриевич занимал половину избы одного из богатых крестьян села – показался денщик, бравый парень с плутоватыми глазами, какими часто обладает русский солдат, но которые далеко не служат признаком нечестной натуры, а лишь врожденной сметливости и вымуштрованной ловкости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.